

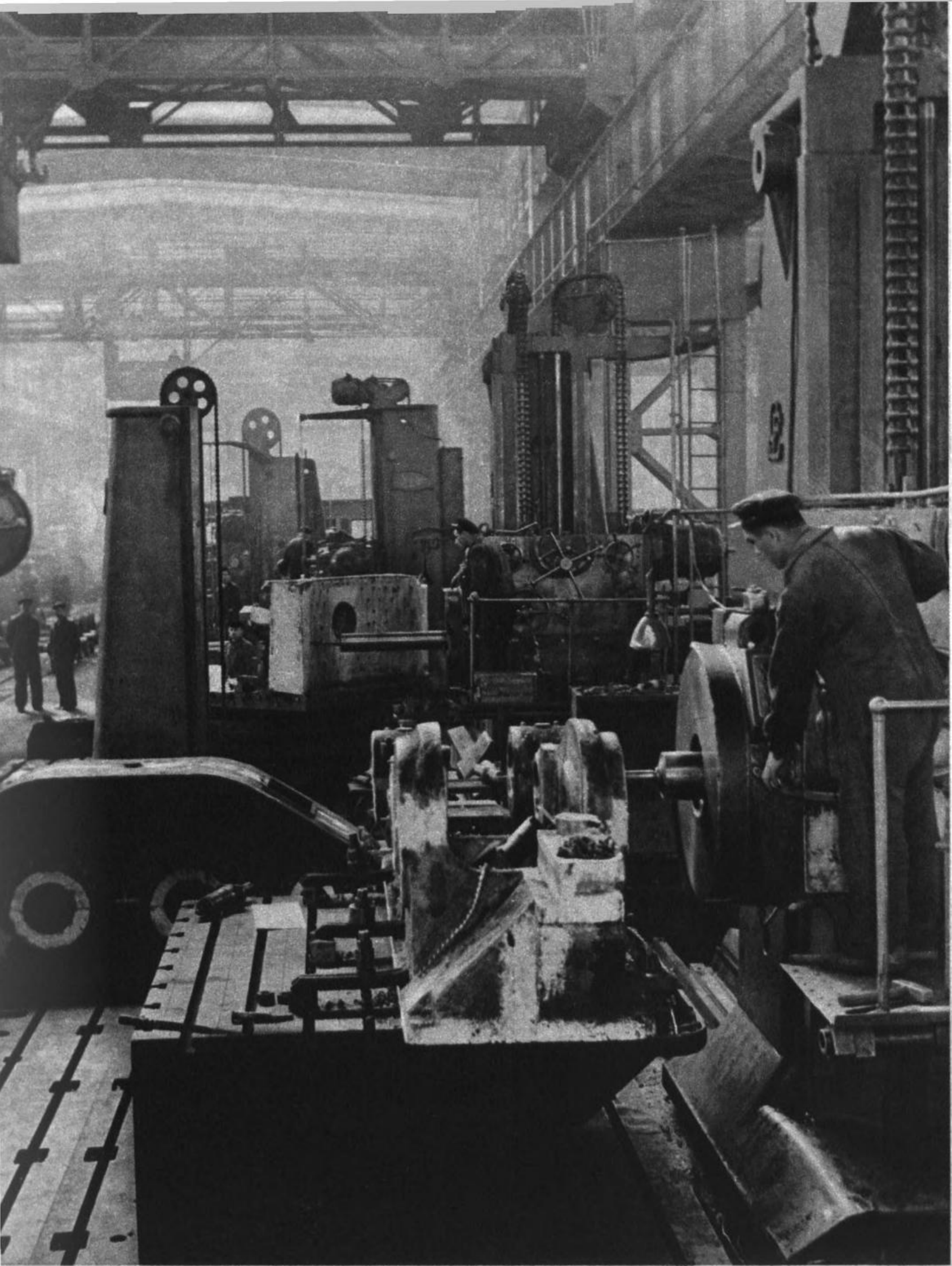
ОГОНЁК

№ 44   ОКТЯБРЬ   1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Днепропетровский завод металлургического оборудования. В новомеханическом цехе.

Фото М. Иванова.

На первой странице обложки: Солисты ансамбля народного танца Молдавской ССР заслуженные артисты республики С. Мокан и Н. Пшеничная (см. вкладку «Жизнерадостное искусство»).
Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Бухарест. Торговля овощами на рынке Амзей.
Фото А. Новикова.

СТАЛИНГРАД СЕГОДНЯ. Проспект Сталина. Внизу — строительство новых домов на улице Мира.

Фото Н. Грановского (ТАСС).

ОБЖИТАЯ ПУСТЫНЯ

С. ФРИДЛЯНД

Специальный корреспондент «Огонька»

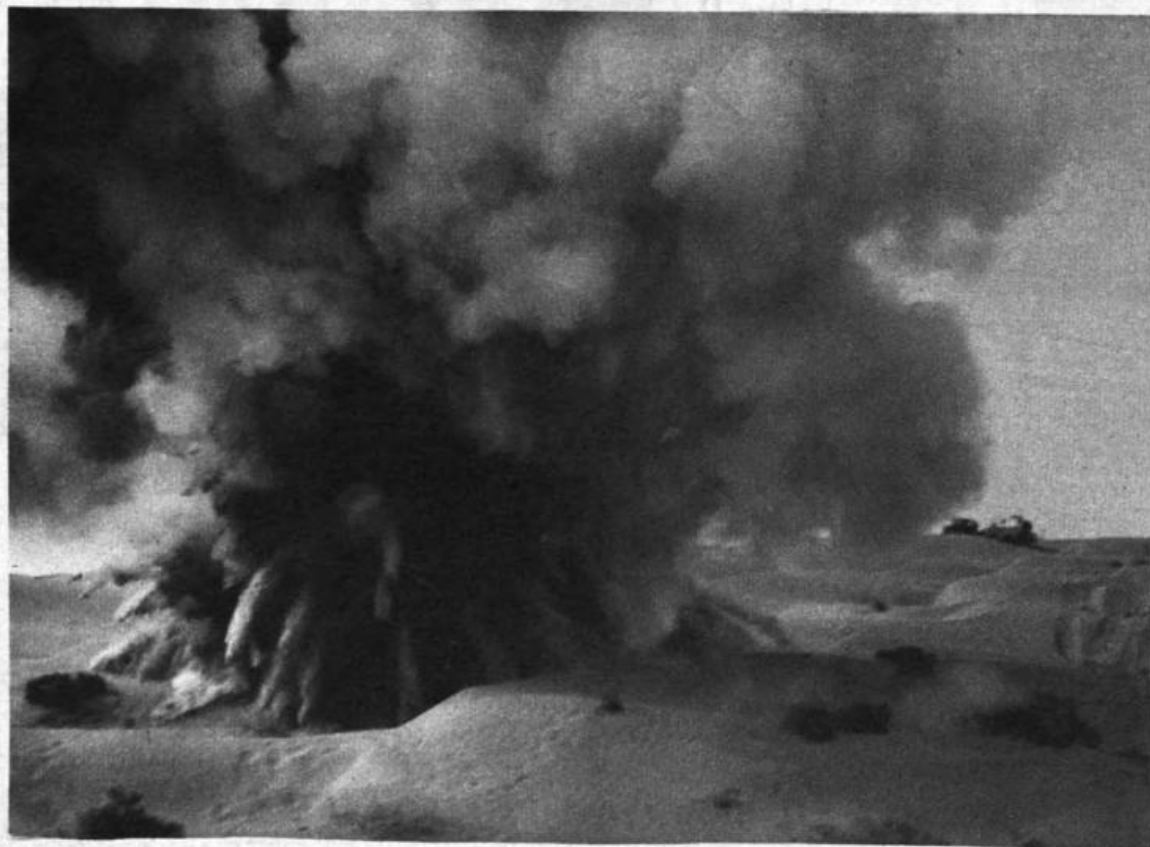
Бесплодная, опаленная зноем и суровыми ветрами земля... Недвижны желтые волны сыпучих песков. Маленькой, затерянной кажется геологическая партия, одна из многих, работающих на просторах Западного Туркменистана.

Нелегко здесь людям и даже машинам. Мощный трактор с трудом тащит на буксире сейсмическую станцию. Но разведчики упорно пробирают дорогу вперед в поисках нефти, скрытой глубоко под землей.

Во временный лагерь доставлены сложное оборудование, спальный домик, продовольствие и питьевая вода; начинается разведка.

Тишину пустыни нарушают оглушительные взрывы. Тонны песка вздымаются в воздух. Из толщи земли поступают сигналы, которые улавливаются сейсмическими приборами.

Геофизики рассматривают полученную сейсмограмму. На ней записано, что «увидели» приборы в недрах пустыни.

В самом центре солончаковой пустыни Келькор поднялись нефтяные вышки Небит-Дага и Кум-Дага.

Выросли кадры нефтяников Туркмении. Они пришли сюда со всех концов страны и по-хозяйски обосновались в новых, не обжитых до них местах. Уважением пользуется мастер подземного ремонта Каратай-Кули Нияз Курбанов. Первый промысел, на котором он работает, завоевал в социалистическом соревновании знамя Совета Министров СССР.

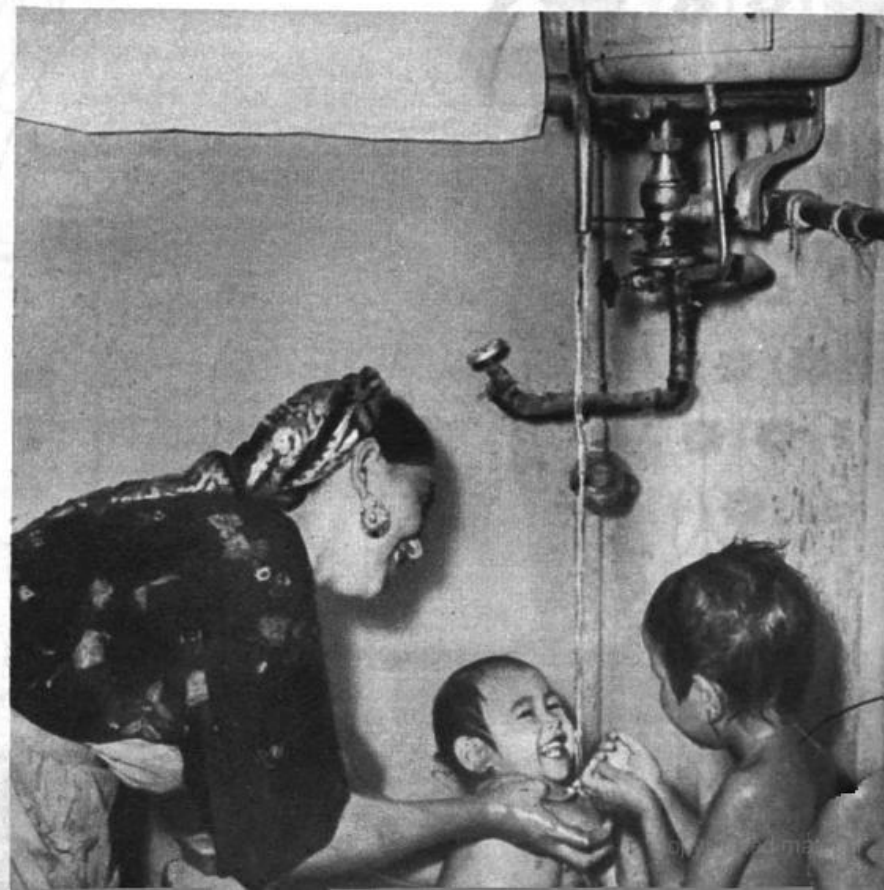
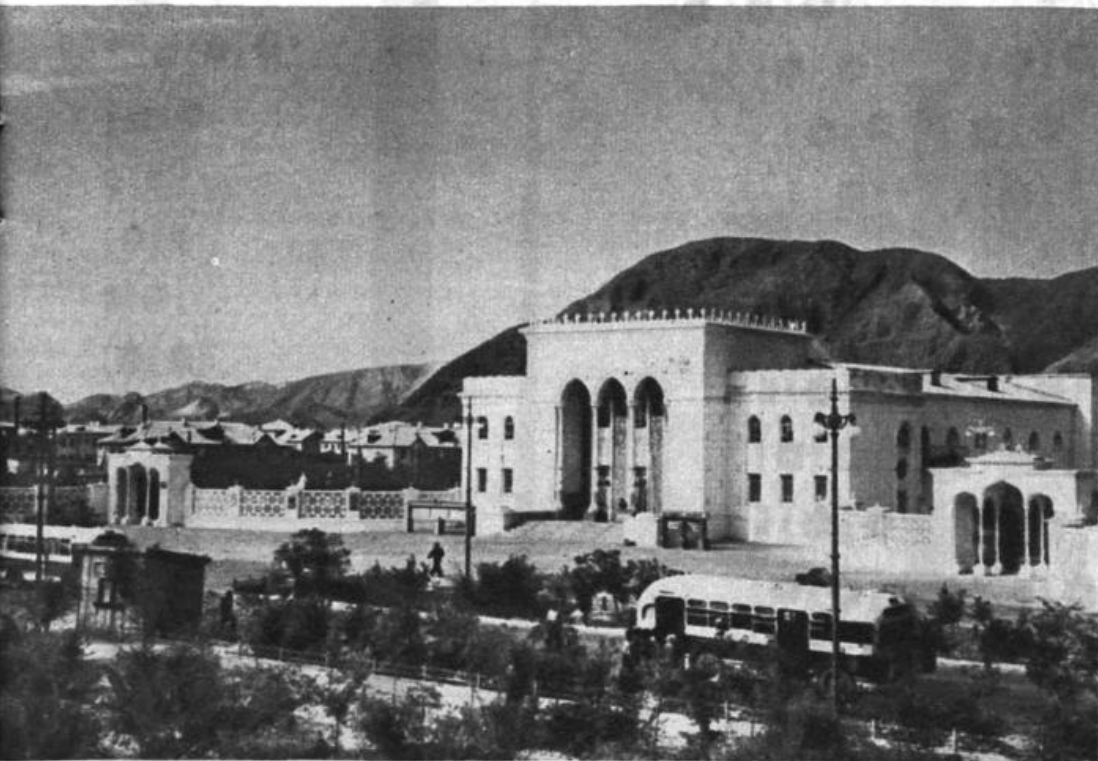

А вот и сам город Небит-Даг.

Строители заботливо отодвинули его от промыслов к подножию Большого Балхана. Они проложили широкие асфальтированные улицы, возвели светлые дома. Щедро снабженный пресной водой, город украшен невиданной здесь зеленью бульваров, парков и садов.

Озеленены почти все кварталы города. Белая акация, карагач, ясень, клен, живые изгороди из маклюры... За несколько лет высажено и отлично прижилось около полумиллиона деревьев и кустарников.

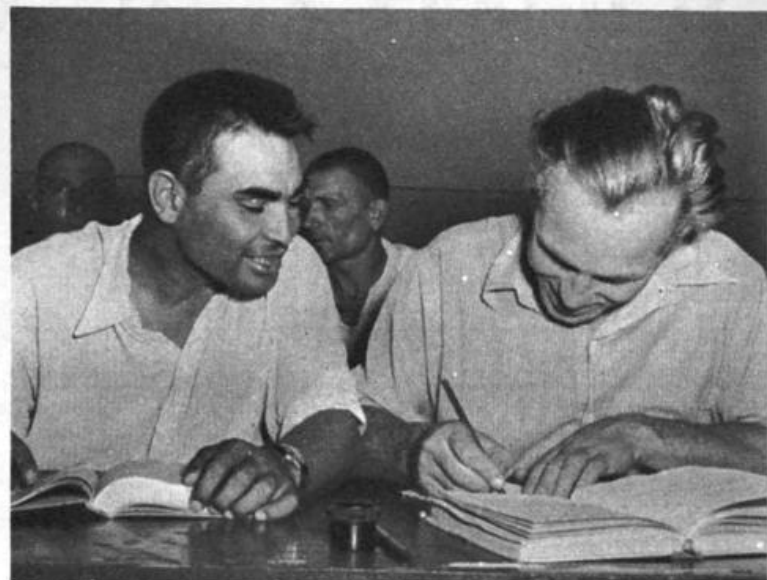
Дальше, в еще не обжитую пустыню продвинулись походные лагеря разведчиков. А здесь, в городе, люди обосновались на долгие годы. Удобно оборудованы квартиры нефтяников, тут есть все, вплоть до газовых колонок в ваннных комнатах.

Давно ли глоток холодной пресной воды считали в этих местах редким лакомством! Сейчас на улицах нового города десятки киосков торгуют газированной водой на льду.

Когда на проспектах города зажигаются электрические огни, небитдагцы отдыхают, развлекаются, учатся.

В аудитории вечернего отделения нефтяного техникума мы встретили заместителя начальника передового участка Артыка Тачмамедова и мастера капитального ремонта Василия Качерина (справа).

Восьмилетний Небит-Даг считается в Туркмении уже «старым» городом. В шестидесяти километрах от него в песках проложены и застраиваются такие же нарядные улицы и площади Кум-Дага. А еще дальше, на угрюмом полуострове Челекен, недалеко от полузанесенного песками старого поселка Карагель строится третий город нефтяников. Он пока не отмечен на карте нашей Родины. Десятки красивых зданий поднялись вдоль улиц, еще не покрытых асфальтом. Юные челекенцы уже занимаются в новой школе. Закончено строительство здания детских яслей.

Город на полуострове обзаводится уже своим морским пляжем, пожалуй, единственным на всем восточном берегу Каспия.

УЛИЦА В УТРЕННИЙ ЧАС

Главы из романа «Черная металлургия»

А. ФАДЕЕВ

Рисунок О. Верейского.

VI

С того момента, как Павлуша столкнулся во дворе с Вассой и Соней Новиковой, все, что волновало его, пока он стоял у двери своей квартиры, все это было им мгновенно забыто. Он сразу вступил в тот шумный открытый мир многообразных интересов необыкновенно широкого круга людей, который был и его миром.

— Кого мы видим, Сонечка? Надолго ли к нам? Все разъезжаешь? Речи произносишь? А печь-то, поди, вздыхает по тебе? — говорила Васса, с удивительной проницательностью вскрывая самое больное место Павлуши. — Читаем, читаем речи твои! Видим, — не сам писал, — сказала она, и ноздри ее язвительно, весело дрогнули.

Эту манеру насмешливого отношения к Павлуше Васса усвоила еще в те времена, когда Павлуша начал ухаживать за Тиной. Если бы он умел тогда читать в девичьих глазах и слушать не то, что говорят слова, а что говорит голос, много неожиданного для себя открыл бы Павлуша под этой насмешливой манерой Вассы. Но он и в юности и теперь был добродушен в этого рода отношениях с девушками, с женщинами. Он даже не прикладывал усилий к тому, чтобы быть находчивым, остроумным, он разоружал насмешниц своей мужественной покорностью. После того, как он женился, встречи его с Вассой стали случайными, редкими, и в насмешках ее над ним все меньше можно было обнаружить доброй женской игры, а все больше разящей издевки, будто Васса мстила ему за что-то. Но Павлуша даже не замечал этого.

— Не говори, не говори, не говори! — весело отмахивался он. — Уже два раза за меня писали. Знаешь, что говорят? «В теперешнем твоём положении от тебя ждут политических выступлений!» — И большие смеющиеся глаза Павлуши лукаво сверкнули на Вассу, а потом на Соню. — Политических, так политических! На конференции металлургов я все-таки вкалывал кое-что насчет охраны труда, а на сессии облисполкома меня никто и не спросил. «Надо», — говорят, — выступить, и вот тебе в помощь редактора газеты». Я гляжу, а он уже и речь мою из-за пазухи тащит!

Соня Новикова, в яркой пестрой кофточке и в этом небрежно повязанном, идущем к ее светлым волосам платке-лаутинке, покосилась на Павлушу темнозелеными глазами и засмеялась, показав нежный подбородок. Но Васса вовсе не хотела выпустить Павлушу из неприятного положения так запросто, не изреченным.

— Учись, Сонечка, как коллективно прославиться, — говорила Васса: — Нургалиев и Красовский у печи, а Павлуша за всех троих на трибуне!..

Но Павлуша, оказывается, и не склонен был скрывать, что у него это самое больное место. Конечно, было бы неправдой сказать, будто эти поездки ему неинтересны, будто он ездит против своего желания, — нет, эти поездки приносят ему большую пользу, он сам чувствует, как вырос за это время. Но печь... Конечно, теперь она уже не может быть первой на комбинате. Если она все-таки идет среди передовых, в этом заслуга Мусы и Коли, его друзей. В прошлом году он, Павлуша, и его друзья, Муса и Коля, дали сверх плана почти двенадцать тысяч тонн стали да еще сэкономили государству около миллиона рублей. А в этом году, если судить по состоянию дела на июнь, им удастся дать сверх плана не больше семи тысяч тонн, — правда, и план вырос, — а экономить, может быть, около трехсот ты-

сяч рублей. В то время как их ученики, бывшие первые подручные, — Сеня Чепчиков, Эдя Паспарне и Миша Жигалин — дадут на своей комсомольской печи не меньше десяти тысяч сверх плана и сэкономят по крайней мере пол-миллиона!

— Тебе надо еще за границу съездить, тогда у вас дела лучше пойдут! — сказала Васса, подрагивая тонкими ноздрями.

Александр Гамалей, услышав их громкие голоса и смех Сони, похожий на воркование, оглянулся, чуть улыбнулся в пшеничные свои усы и, когда молодые люди поровнялись с ним, вежливо приподнял фуражку, показав лысеющее темя, сильно загоревшее от того, что Гамалей любил работать в саду с непокрытой головой.

По окончании Отечественной войны Гамалей вышел в запас в звании старшего лейтенанта и по привычке к военной форме продолжал ее носить, правда, уже без погон и без звезды на фуражке. Но он уже не чувствовал себя военным человеком; он был мастеровым с детства, как и отец его, и при встречах с людьми не брал под козырек, а снимал военную фуражку так же, как когда-то отец снимал свой картуз.

— Ах, Саша, люблю, когда мужика в твоём возрасте, когда он уже привык к заботе, к ласке, жена вдруг оставляет на его собственное попечение! — приторно-грустным голосом, которому противоречили ее заискрившиеся темнозеленые глаза, заговорила Соня, по праву многолетней дружбы с женой Гамалея называя его не Александром Фаддеевичем, как его называли все, а просто Сашей. — Наверно, ты поворочался сегодня на жесткой-то постели! Чайку-то хоть попил перед работой? Дети, наверно, голодные в школу пойдут? Маленький-то как?

Жена Гамалея Мария работала, как и Соня, старшим оператором проволочного стана и всю эту неделю работала в ночной смене. Соня, которая должна была ее сейчас сменить, подшучивала над Гамалеем, что ему пришлось всю ночь провести в одиночестве и некому с утра покормить его и детей.

Гамалей спокойно улыбался в усы, темно-голубые глаза его, выделявшиеся на загорелом лице, как чистые озера, смотрели на Соню с понимающим добрым выражением, будто говорили: «Не потому ты смеешься надо мной, что я один, а потому, что ты одна, давно уже одна и, может быть, весь век останешься одна. И мог бы я поранить тебя, если бы повернул на тебя твои же слова, но я этого не сделаю, потому что я тебя жалею».

Соня поняла его взгляд, и лицо ее приняло характерное для Сони выражение: что-то тяжелое обозначилось в складке ее полных губ с опущенными углами, казалось, даже тень легла под нижней губой, — и в то же время необъяснимая улыбка играла в глазах ее, умная женская улыбка, словно говорившая: «Да, я знаю, что я на всю жизнь одна, но я могу дать еще столько счастья, так не судите же меня, если я все еще кого-то жду, зову...» Соня чуть коснулась руки Гамалея и с некоторой излишней экзальтацией начала хвалить его жену Марию.

Сорокалетний Гамалей и жена его, моложе его лет на шесть, были известны на комбинате не только как хорошие работники, а и по их удивительно сложившейся личной судьбе.

В 1935 году Маша Акафистова, восемнадцатилетняя девушка, дочь поселенца из раскулаченных, к тому времени уже восстановленного в правах и работавшего на Большой горе на рудообогатительной фабрике, вышла замуж за лучшего друга Гамалея Сережу Тришину. Оба родом из Краматорска, с одной улицы, из одной школы, сыновья слесарей, начавшие свой трудовой путь тоже слесарями, они и в Красной Армии служили в одной ча-

сти, оба одновременно демобилизовались в должности командира взвода и оба попали на Большегорский комбинат в начальный период его освоения, где вскоре стали работать на портальном кране углеподготовки, импортном из Германии.

Семья Сережи Тришина стала единственной семьей и Гамалея. Правда, он не соглашался столоваться у Тришиных, а тем более отдавать Маше белье в стирку, сколько она ни настаивала. Маша нигде не работала, но Гамалей говорил, что не хочет обременять ее нахлебником: к началу войны у Тришиных были две дочки-дошкольницы и сынок, делавший первые свои шажки. Тришин после того, как женился, получил комнату в квартире на три семьи в так называемом «немецком» доме в «соцгороде». А Гамалей попрежнему жил в «Шестом западном» и пользовался всеми благами этого молодежного общежития, хотя был здесь единственным молодым человеком, которому уже подкатывало к тридцати.

Когда Александр и Сережа не были в вечерней смене (а они всегда были в одной смене: их кран углеподготовки имел две кабины и работал на два грейфера), Гамалей проводил свои вечера в семье друга. Спокойный, сильный, голубоглазый, с большими добрыми руками, он оказался незаменимой нянькой при детях Тришина. Маленькими они охотно шли на руки к Гамалею, он мог возиться с ними часами. Он знал сотни народных сказок и, рассказывая их девочкам, незаметно переходил на украинский язык, но девочки понимали Гамалея. А когда дети ложились спать, он молча усаживался у подоконника, с которого свисали путанные бледнозеленые плети растения, называемого в народе «бабы сплетни», и, глядя прямо перед собой, все сосал, сосал свою короткую, кривую трубку с обгоревшим чубуком, выпуская дым из-под пшеничных усов удивительной мягкости.

Друг его и ровесник Сережа всегда что-нибудь рассказывал, смешное или страшное — о свадьбах с похищениями, о пробуждении мертвых в могилах, о невероятных аферах с удачным исходом. А то вдруг брал гармонию с порывавшимися мехами, вывезенную им еще из Донбасса, и, свесив набор русский чуб свой, точно прислушиваясь, не врет ли старая, пел грустным сиплым баритоном старинные русские и украинские песни.

В такие минуты жена его, которая даже самую мелкую работу по дому выполняла с таким неистовством, будто хотела что-то заглушить, забить, умертвить в себе, вдруг замирала, замирала на том самом месте, где заставала ее песня. С лицом иконописной красоты она слушала песню, чернявая, худая, нервная, палимая вечным внутренним огнем, и вдруг говорила:

— Женились бы вы, Александр Фаддеевич, ей богу!..

— А зачем мне жениться, когда мне и так хорошо? — отвечал Гамалей и все дымил и дымил на «бабы сплетни».

Похоже было, что так и пройдет жизнь Гамалея до самой старости. Но с началом войны и Гамалея и Тришина призвали как младших офицеров запаса. И впервые в жизни они были разлучены: Гамалей попал под Киев, а Тришин на западный фронт, где и погиб в бою под Ельней. Гамалей узнал о гибели друга почти год спустя, после выхода из окружения, узнал из письма Марии, в котором она ничего не писала ни о себе, ни о детях.

В ответном письме Гамалей писал:

«Знаешь ли ты, что Сергей был моим братом? Ты знаешь. Старик мой давно помер, и все мы, Гамалеи, братья и сестры мои, все люди самостоятельные, я среди них меньший. О ком же, как не о тебе и детях твоих, как не о семье погибшего брата моего Сергея, может сейчас болеть моя душа? Понимаешь

Эти главы являются продолжением напечатанных в №№ 42 и 43 «Огонька» глав под названием «Домашняя хозяйка».

ты это? Ты понимаешь. Я здесь всем обеспечен, а пенсия, что получаешь ты за Сергея, мала. Я буду высылать тебе, пока жив буду, свое офицерское жалованье. Ты женщина умная, добрая, так не обидь же меня отказом».

И стал Гамалей высылать ей свое жалованье, и она не обидела его отказом. Но не знал Гамалей, что с первых же дней, как ушел ее муж на фронт, Мария пошла работать на завод, а все жалованье Гамалея откладывала она на открытую для него сберегательную книжку.

Когда вернулся Гамалей с войны, больше года еще пришлось ему, окруженному детьми погибшего друга, дымить трубкой в знакомой комнате, где, как и раньше (как и впереди!), украшали стену фотографии Сережи Тришина — одного, и вдвоем с Машей, и вдвоем с Гамалеем, и в кругу товарищей, — прежде чем согласилась Мария выйти замуж за Александра Фаддеевича.

И казалось, ничто не изменилось в их жизни: Гамалей давно был неотделим от этой комнаты; дети давно его приняли как старшего друга; Маша продолжала работать на заводе, как работал и Гамалей. Изменилось только то, что появился на свет маленький Гамалей, и семья получила, наконец, квартиру на Заречной стороне, и то, что Маша стала спокойной, и чаще смеялась, и, когда смеялась, в лице ее появлялось что-то застенчивое, девичье. А Гамалей стал предметом обожания всех женщин, обиженных войной, — обожания, столь же бескорыстного и самоотверженного, как сам Гамалей.

По мере продвижения к площади группа рабочих, в центре которой были Павлуша, две женщины и Гамалей, все разрасталась и разговор, все более оживленный, сосредоточивался то вокруг Павлуши, то вокруг Гамалея, но больше вокруг Вассы и Сони. Улица в часы, когда рабочие люди идут на работу или возвращаются с работы, похожа на перемещающийся клуб, превосходящий масштабом своим настоящие клубы, не говоря уже о таких временных клубах, как «забегаловки», раздевалки при цехах или очереди в магазинах.

— А, Павлуша!.. Здоров, Павлуша!.. Как жизнь, Павлуша?.. — раздавалось из уст молодых и старших.

Да, его любили здесь. Любили за то, что он тут вырос, выучился и стал знаменитым, но остался таким же общительным, веселым, каким его знали еще в ремесленном. Все и называли его Павлушей. Он был воспитанником этого города, его славой, его гордостью.

Парень, закрывший Павлуше глаза и повисший у него на плечах, оказался его младшим товарищем, Гришей Шаповаловым. В прошлом году он был у Павлуши вторым подручным, а после того, как Сеня Чепчиков, первый подручный, ушел сталеваром на комсомольскую печь, Гриша занял его место. Но на свою беду Гриша на всех собраниях вылезал с критикой неполадков во втором мартеновском цехе, и в конце концов его избрали цеховым комсомольским секретарем.

— Слушай, Павлуша, — сказал Гриша, стискивая его руку своими жесткими ладонями, одинаковыми в длину и в ширину. — Надеюсь, ты сохранил на Сеню Чепчикова какое-то влияние? Мы поручили ему как члену бюро всю физкультурную работу, а он даже на бюро не ходит!

— Какой же ты секретарь, если власти на него не имеешь! — смеясь, сказал Павлуша. — Как дела? Материально тебя не поджало?

— Очень поджало, — признался Гриша с некоторым смущением.

В самом деле, его заработок как секретаря цеховой комсомольской организации оказался значительно ниже заработка первого подручного, да еще на печи, которую вели такие сталевары, как Кузнецов, Красовский, Нурғалиев.

— Что ж, это дело временное, здесь у меня тоже есть перспектива роста, — сказал Гриша с несвойственной ему застенчивой улыбкой.

Немного впереди, в группе мужчин, окруживших Вассу и Соню, шли доменный мастер Крутилин, внешнею своей опровергавший привычное представление о доменщиках, такой он был сухой и маленький, и недавно приехавший из Запорожья старший вальцовщик тонколистового стана горячей прокатки Синицын, длинный, худой, прямой, с выгнутой

шей, в светлом модном пиджаке с неестественно широкими плечами.

Они обсуждали политические новости дня, злобой которого было создано в Париже для подготовки встречи министров иностранных дел четырех держав совещание заместителей министров. Совещание находилось как раз на том этапе, когда заместители министров трех держав никак не хотели включить в предполагаемую повестку дня вопросы об Атлантическом пакте и об американских военных базах, внесенные Громыко. Крутилин очень хотелось, чтобы заместители министров трех держав все-таки как-нибудь уступили и чтобы все было хорошо.

— Сорвут?.. — спрашивал он, с надеждой глядя на Синицына.

Синицын, узкая голова которого была как бы продолжением его выгнутой шеи и напоминала голову шахматного коня, делал неопределенный жест костлявой кистью руки и отвечал жестоко:

— Сорвут!

— А что значит — вот они заседают в розовом дворце, — почему он розовый? — спросил очень молодой, но известный уже и за пределами Большегорска как инициатор комплексных бригад на строительстве жилых домов каменщик Кораблев. — Нет, ведь может быть изнутри отделка розовая, так в этом хитрости нет, а если снаружи, так это вряд ли штукатурка, наверно, мрамор особый?

— Нет, пусть лучше товарищ Синицын скажет, почему наш листопрокатный так долго листа не дает? — с улыбкой сказал Гамалей.

Новый большой цех горячей прокатки тонкого листа только что был закончен строительством и монтажом; заканчивался также монтаж нового цеха холодной прокатки. Как всегда бывает при пуске автоматизированных сложных и тонких по настройке агрегатов, дело пока что не ладилось. Синицын, техник по образованию и человек приезжий, вдруг ясно обиделся на вопрос Гамалея.

— Спрашивайте не у меня, а у строителей-монтажников! — вскричал он. — Из-за них мы все еще решаем ребусы и загадки и не можем настроить стан. Посмотрели бы вы, как работает он у нас, на «Запорожстали»! Там труд вальцовщика давно уже стал интеллектуальным трудом. И роль оператора выше, чем у вас, — сказал Синицын, покосившись на Соню.

Мужчины, в обществе которых шли Соня и Васса, шуточно нападали на них, будто они потому до сих пор не замужем, что ведут себя, как разборчивые невесты. В самом деле, женщины красивые, известные, портреты их постоянно висят на доске почета у главных ворот, — не может быть, чтобы никто к ним не сватался. Видно, отшивают женихов!

— Вы, молодые бабы, — привереды! — вмешался в этот разговор и мастер Крутилин. Он сам был еще не старый, но уже глава большой семьи, жившей очень дружно. — Как это так замуж не выскочить у нас в Большегорске! Вы больше на доменщиков, на сталеплавильщиков поглядывайте, — там одни мужики!..

— Нужны они нам, чумазы! — сказала Васса.

— Ишь, аристократия какая!

— А она права, Алексей Петрович: не потому, что она против доменщиков или сталеплавильщиков, а потому, что она девушка, перед ней все пути открыты, — сказала Соня, женским чутьем понимая, как больно бьет по самолюбию Вассы то, что ее могут считать уже засидевшейся и ищущей жениха. — Это у нас, вдов, положение безвыходное.

— Почему безвыходное? — наивно спросил Синицын, которому Соня очень нравилась.

— Потому что... мир уже поделен, — сказала Соня с необъяснимой своей улыбкой. — Хотите, чтобы мы его переделали? Тогда берегитесь, если вы человек семейный! — сказала она под общий хохот мужчин.

Они уже были вовлечены в сплошной пестрый поток людей, все более сгущавшийся по мере приближения к залитой солнцем площади, через которую один за другим проносились битком набитые, с висющими на подножках гроздьями людей трамвайные вагоны.

Маленькая немолодая женщина, с лицом в сети преждевременных морщинок, но с необыкновенно жизнерадостным выражением, которое придавали ее лицу острые, подвиж-

ные глаза и нос с лукавинкой, одетая в такое поношенное платье и повязанная таким старым платком, как будто она специально выбрала все самое негодное, вывернувшись из толпы и, лихо продев тонкую руку под руку Соне, зашагала рядом с ней.

— Здравствуй, Прасковьюшка, здравствуй, милая! — ласково и весело сказала Соня, прижимая руку женщины к груди своей.

Это была работавшая в одном цехе с Соней увязчица бунтов проволоки-катанки, одна из последних представительниц тяжелого ручного труда, сохранившегося даже на таком совершенном стане, как проволочный.

Бунты поступают с моталок, когда проволока еще раскалена, и двое рабочих или работниц в специальной одежде и рукавицах, обдуваемые холодным воздухом, перевязывают бунты с двух сторон обрезками холодной проволоки, чтобы бунты не рассыпались перед тем, как их подцепит медленно движущийся крюковой транспортер охлаждения.

Прасковья Пронина, женщина малограмотная и многодетная, потерявшая в войне мужа, вот уже восемь лет стояла на этом горячем посту. Всего ребят у нее было шестеро. Два старших сына уже подросли и работали, но матери не помогали: они были известны на Заречной стороне, как неисправимые хулиганы, уже не раз имевшие дело с милицией.

Несмотря на тяжелый труд свой, жизнь без мужа и неудачу с сыновьями, Пронина отличалась редкой жизнестойкостью и тем особенным юмором, в котором есть и что-то детское и какая-то неуловимая «подковырка». За это ее свойство, а возможно, и потому, что она была такая маленькая, ее никто не называл по фамилии или по имени и отчеству, а все звали ее Прасковьюшкой.

У выхода к трамвайной остановке, на противоположном углу улицы, несмотря на ранний час, бойко торговал ларек.

— Чертяки! — сказал Гамалей, увидев возле ларька молодых ребят, державших в руках стопки. — Так мы их воспитываем!..

— А кто их воспитывает, они сами такие лезут, — сказала Прасковьюшка, взглянув на него острыми веселыми глазами.

— Как такие лезут? — улыбнулся Гамалей.

— А поперёчные, боком лезут! — сказала Прасковьюшка.

И вся их компания, в центре которой были Павлуша, Гамалей, Васса, Синицын, Крутилин, Гриша Шаповалов, Соня и Прасковьюшка, с веселым хохотом волной выкатилась к трамвайной остановке.

Окончание следует.

Свердловск строится

Строительство жилых домов на улице Якова Свердлова.

Фото Н. Тюфякова.

Целые кварталы улицы Якова Свердлова — многокилометровой магистрали, ведущей от свердловского вокзала к центру города, — в строительных лесах. За старинными, построенными еще екатеринбургскими купцами, приземистыми особняками вырастают многоэтажные корпуса жилых и административных зданий. Крупнейшие предприятия Свердловска — завод Уралмаш, Уралэлектрораппарат, Уралхиммаш и другие — строят здесь дома для рабочих и служащих. В первых этажах оборудуются магазины, пошивочные ателье, кафе...

В одном из новых многоэтажных зданий для рабочих Уралмашзавода будет открыт кинотеатр с двумя зрительными залами.

Начата реконструкция улицы Луначарского. Здесь сооружаются пятиэтажные 70-квартирные жилые дома, заканчивается прокладка новой трамвайной линии, которая свяжет центр города с вокзалом и районом Уралмаша.

В Кировском районе, где высятся корпуса Уральского политехнического института, строятся новые высшие и средние технические учебные заведения. Возводятся стены зданий для энергостроительного и радиотехникумов, политехникума, Уральского филиала Академии наук, студенческих общежитий...

Полным ходом идут работы на стройке нового городского стадиона «Металлург». Под его бетонными трибунами, рассчитанными на 25 тысяч зрителей, разместятся зимние спортивные залы.

В текущем году на жилищное строительство и благоустройство города расходуются более 400 миллионов рублей. 143 тысячи квадратных метров жилой площади должны получить свердловчане. В будущем году намечено построить многоэтажные здания с жилой площадью в 200 тысяч квадратных метров.

В городе создается мощная база строительной индустрии. Сооружается завод железобетонных изделий. Из сборных конструкций, изготовленных за год, можно будет собрать дома площадью в 350 тысяч квадратных метров. Начато строительство нового кирпичного завода, заводов керамических изделий, гипсовой сухой штукатурки.

А. ГРИГОРЬЕВ

Там, где живут ГАГАУЗЫ

Вл. РУДИМ

Фото М. САВИНА.

Чем дальше мы ехали на юг от Кишинева, тем немилосердней становилась жара. По обе стороны пыльной проселочной дороги тянутся подсолнухи, они уже устали поворачиваться к солнцу и неподвижно устали своими тяжелыми шляпками в землю; шумит сухими метелочками кукуруза, виноградники сменяются полями хлопчатника, участки хмеля соседствуют с обширными баштанами, на которых, точно бараньи шапки — кушмы, — виднеются шалаши сторожей.

Минуем молдавские села, потом болгарские, приметные тем, что все женщины в них носят желтые платки, и въезжаем в «страну гагаузов». Здесь, на самом юге Молдавии, гагаузы живут в пяти районах: Кангазском, Комратском, Чадыр-Лунгском, Тараклийском и Вулканештском.

Мы держим путь в один из самых крупных населенных пунктов — Чадыр-Лунгу.

...Деревянный мост через полувысохшую Лунгу ведет на широкую главную улицу поселка, обсаженную акациями, тополями и кленами. Время приближается к полудню, и в этот час здесь немногочисленно. Оставляя на пыльной дороге отпечатки босых ног, идут две женщины в черных платках; у одной на руках ребенок, у второй на коромысле покачиваются полные ведра — сверху плавают листья, чтоб вода не расплескалась.

Женщины проходят, не обращая внимания на незнакомых людей, а мужчины здороваются, не изменяя старому обычаю, со всеми. На них фетровые шляпы, жилеты; талии обвиты красными кушаками.

В правлении колхоза имени Кирова нас встретил председатель Иван Дмитриевич Топчу. Вместе выезжаем из Чадыр-Лунги на поля, огибая старые ветряки, отары

овец, легкие шатры цыганского табора...

Недалеке показываются два трактора — они собирают волокушами солому.

Дальше трещит силосорезка, медленно плывет кукурузоуборочный комбайн. Попшой (так называется здесь кукуруза) вывозит к силосорезке звено Зиновии Галацлы, состоящее из одиннадцати девушек. Звеньевая и ее подружки вызвали в нас некоторое удивление: с чего они так нарядно оделись? А девушки, в свою очередь, удивились нашему вопросу: ведь это у них рабочая одежда — белый платок с кружевной каймой, длинная цвета-

стая юбка (да не одна, а три!), узорный передник, бусы на шее и браслеты на запястьях.

На птицеферму мы попали во время «воздушной тревоги»: в небе кружил дуфан — коршун. Птичницы на всю степь кричали «Угу-у!», и цыплята, уже хорошо приученные к такому кличу, что есть мочи мчались под стены сарайчиков, где терпеливо пережидали опасность. После «отбоя» к нам подошла птичница Таня Кожокарь — невысокая, стройная, кареглазая. «Под начальством» Тани и ее старшей подружки Елены Монастырлы находится многотысячный пернатый молодняк. Сколько с ним возни! А тут еще эти дуфаны!

Хозяйство колхоза имени Кирова большое: обширные площади под пшеницей, кукурузой, подсолнечником, более трехсот гек-

таров виноградников, несколько баштанов, около трехсот лошадей, много овец, свиней, коров, птицы. На колхозных полях работают четыре комбайна, тринадцать тракторов и другие машины. Доход превысил миллион рублей.

***

Кто же такие гагаузы?

По вопросу об их происхождении мнения ученых разделились. Одни предполагают, что гагаузы — потомки тюркских племен, другие отстаивают версию болгарского происхождения этой народности, изменившей свой язык в результате многовекового турецкого ига: гагаузы — это потомки тех болгар, которые в далеком прошлом были вынуждены говорить по-турецки.

Несколько раз вспыхивали против турок восстания. Наказывая недовольных плетью, турки прикрикивали: «Гаган уз олсун!», — что означало: «Не поднимай носа!». Это выражение в сокращенном виде и превратилось, как утверждают старики, в название народности — гагаузы.

Спасаясь от турецких насилий, гагаузы начали переселяться на левый берег Дуная, в Буджакскую степь, на юг Молдавии.

Рассказы дедов о тех временах хорошо помнит Павел Георгиевич Маглили. Обозы беженцев ехали скрытно, по ночам. На рассвете останавливались, выпрягали волов и поворачивали оглобли в обратную сторону. Если встречался турок и спрашивал, откуда едут, то отвечали: «От Ивана». А с темной снова двигались к России.

Захватив насильно Бессарабию в 1918 году, румынские бояре и их челядь ввергли гагаузов в новую кабалу более чем на двадцать лет; закрыли школы, запретили говорить в общественных местах на родном языке.

Многие семьи эмигрировали в Бразилию. Поверил людской молве о «сказочно богатой» стране и Федор Тукач — вместе с женой Прасковьей и детьми добрался он до бразильских берегов. Но встретила их здесь все та же доля: плети надсмотрщиков, скудная пища, мизерная плата. «Возвратимся-ка лучше к своей мамалы-

Работает силосорезка — на зиму для скота будет вдоволь сочного корма.

Чуть свет — чабаны уже выгоняют колхозных овец на пастбище.

Уборка кукурузы. На переднем плане — колхозница Надежда Кожикарь.

Звеньевая Мария Кывыржик недавно вернулась из Москвы и рассказывает колхозникам о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

На полевой стаи приехала передвижная библиотека Чадыр-Лунгского Дома культуры.

В детском саду колхоза.

Слева: старая ковровщица Прасковья Дмитриевна Тукан обучает своему искусству Любу Келеш.

Выходной день в колхозе. Молодежь танцует.

ге», — решили Туканы. Дорого обошлась им «поездка за счастьем»: надорвав здоровье на плантациях, заболели и умерли отец и дочь. Совсем забедствовала Прасковья Дмитриевна. Перебивалась кое-как, ткала от зари до зари ковры, дорожки, выносила их на шумные воскресные базары. И дотянула так коврощица до дней, когда и в Буджакскую степь пришла народная, советская власть.

В Чадыр-Лунге возникла артель коврощиц, и Прасковью Тукану пригласили обучать молодежь. По чистой случайности ковровый цех вырос как раз возле того клочка земли, где родилась Прасковья Дмитриевна лет шестьдесят пять — шестьдесят восемь назад (старая женщина не знает точно своего возраста).

Мы увидели Прасковью Тукану, когда она показывала одной из учениц, семнадцатилетней Любе Келеш, свой лучший ковер: на черном фоне — большие яркие розы.

В прошлом гагаузов много было мрачного, и это отложило отпечаток на уклад их жизни. Некоторые обычаи — простые и строгие — сохранились частично до нашего времени. У женщин и девушек, например, всегда накинута на голову платок. Поэтому мы удивились, увидев женщину без платка. Это была звеньевая Мария Георгиевна Кывыржик, участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Мария Георгиевна побывала в Москве и теперь, сидя на крыльце, рассказывала соседкам о своих впечатлениях.

***

Вечером, когда спала жара и женщины уселись посудачить на глиняных выступках у заборов, заменяющих скамейки, мы заглянули к рабочему «Заготскота» Семену Ильичу Галаццу.

В комнате для гостей собралась почти вся семья Семена Ильича. Жена Степанида Ивановна только что приехала из соседнего села, где заготавливала тутовые листья для колхозных шелкопрядов; возвратилась с поля дочь Зиновия. Самый маленький, десятилетний Иванчо, прибежал, запыхавшись, и протянул для рукопожатия крепкий кулачок. Потом пошептался с отцом: там, во дворе, остались товарищи. Можно им зайти? И в двери появляется целая ватага мальчуганов.

Семен Ильич, кивнув на друзей Иванчо — одноклассников, припомнил старину: сам он учился грамоте всего два года. Да и что это было за учение! В классе стоял деревянный желоб с песком, на котором дети пальцем писали буквы. Быстро выветрилась из головы такая «наука». Зато на всю жизнь запомнилась другая: нанялся бедняцкий сын в скотогоны, двадцать пять раз гонял скот из Чадыр-Лунги в Одессу, прошел туда и обратно больше 10 тысяч километров.

А теперь у детей Семена Ильича совсем иная судьба: Зиновия уже окончила школу, ее звено — одно из лучших в колхозе, Лянка ходит в седьмой класс и хочет быть учительницей, Иванчо — третьеклассник и будущий комбайнер, а Семен уехал в Кишинев: поступает в медицинский техникум.

— Раньше у меня в доме ни одной книги не было, — продолжает хозяин. — Сейчас одних учебников целая телега.

***

Каждое воскресенье во второй половине дня молодежь собирается за поселком, где устраиваются танцы — «хору» по-гагаузски или «жок» по-молдавски.

Вот и площадка для танцев — зеленое поле на берегу Лунги. Сюда непрерывно подходит молодежь. Парни в новых брюках, фуражках или фетровых шляпах, синих, черных и коричневых рубашках. Еще большая пестрота девичьих нарядов: ослепительной белизны платки, масса бус, браслетов, монист, сверкают полумесяцами серьги, рассыпались по изумрудному разнотравью синие, зеленые, красные, голубые, коричневые, розовые, сиреневые платья с неизменными фартуками.

Почти у каждой девушки в руках хризантема или астра, принесенная на «жок», как увидим, для особой цели.

В центре поля появляются музыканты: две скрипки, барабан, гармонь и гайда — местный народный инструмент. Оркестр нанят парнями вскладчину на весь сезон, до осенней непогоды.

И вот в воздухе растеклись первые звуки скрипок, раздалась высокая, бесконечная и бесхитростная мелодия гайды. Начинается «дюсь хор» — ритмический танец; парни образуют большой круг, к которому присоединяются, продолжая держаться вместе, девушки. Круг медленно движется то вправо, то влево, то замирает на месте: ноги постукивают друг о дружку, будто согреваются, а руки, чуть согнутые в локтях, ритмично поднимаются, словно чайки на волнах.

«Жок» вступает в новую фазу. Вот парень подходит к группе девушек, легонько дергает одну из них за косу. Девушка оборачивается, отходит от подруг подальше в поле. Там, остановившись, друг от друга на расстоянии 5—6 метров (старик в дни своей молодости становился вдвое дальше), юноша и девушка беседуют.

Вскоре такие пары, возникшие после обязательного дергания косы, заняли почти все свободные «земли». Напротив некоторых девушек выстроились на почтительном расстоянии «по фронту» пять—шесть юношей. Если среди такой шестерки найдется тот, кто нравится, и если он подойдет самым первым, девушка награждает его цветком. С этим «даром сердца» за ухом гордый влюбленный возвращается после танцев

Почта для жителей Чадыр-Лунги.

***

домой. А девушкам тоже есть чем похвастать: юноша преподносит своей подруге широкое самодельное кольцо, выгравировав на нем свое имя. У иных девчат такие кольца надеты на всех пальцах!

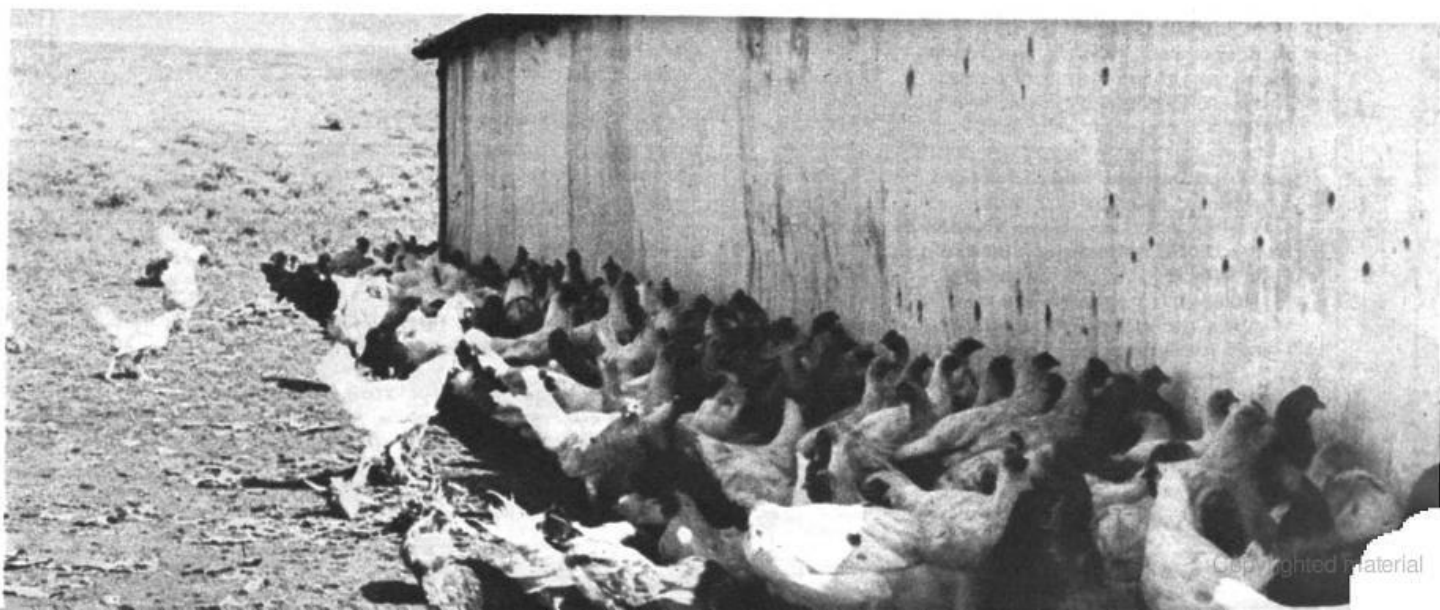
Желто-оранжевый солнечный диск коснулся горизонта и растаял. Сразу же над долиной по-несся свист — сигнал к тому, что «жок» окончен. Так велит обычай: после захода солнца — по домам.

Над Чадыр-Лунгой опустился тихий синий вечер. Из-за ветряков выкатился огромный месяц. Ничто не нарушало тишины, и неожиданно с Октябрьской улицы, что взбирается почти к самым мельницам, донесли высокие звуки гайды. Потом молодой, чистый голос запел:

Я милую розой не назову,
У розы слишком короткая
жизнь...

Кому-то не спалось, кто-то продолжал «жок» у себя во дворе.

«Воздушная тревога»: в небе коршун.

Иван да Марья

Поэма

Константин СИМОНОВ

Рисунки О. Верейского.

1

Дорогая Марья Петровна!
Тридцать лет я вас помню, ровно,
С того детского далека,
С того самого незабвенного,
В бывшем монастыре,
военного
Дивизионного городка,
Где ваш муж служил компульроты,
А отец мой — помкомполка;
Где вы слыли первой красавицей
В общежитии начсостава,
И где я, позволюте представиться,
Жил в соседней келье — направо —
С мамой, с папой, в маленькой комнате
Долговязый такой — не помните?

Вы казались мне очень старой
В мои девять тогдашних лет.
Вы любили петь под гитару,
Заглядевшись на лунный свет;
И, в то время уже седая,
Моя мама отцу шептала:
— Хорошо поет, молодая...
И зачем-то тихо вздыхала.

А наутро вы с нею вместе
Гимнастерки мужьям стирали
И займы то ступку и пестик,
То машинку швейную брали;
Обсуждали в полку события:
— Кто получит к Маю комбата?
И в подшефный детдом, к открытию,
Шили байковые халаты...

А всего вам, Марья Петровна,
Было двадцать четыре ровно,
И Иван Степанычу тоже —
Вы его на месяц моложе.

На Херсонщине под Каховкой
В январе двадцатого года
Приглянулся он вам — комвзвода,
Невысокий, поджарый, ловкий,
Над губою усы, как стрелки,
И глаза с татарской косинкой,
И рука на черной косынке:
Пулей ранена в перестрелке.

Вас не сватали, не венчали,
Всё решилось в одну неделю.
Но, недолго думав вначале,
Вы всю жизнь потом не жалели.

В злую зиму, пригрев, как птаху,
Муж возил вас с собой по шляхам,
Всё боясь: комиссар бригады
Разузнает — не даст пощады!
(Когда к вам теперь заезжает
Член Военного Совета,
Он с улыбкою вспоминает,
Как смотрел сквозь пальцы на это.)

Приходилось в году том грозном
Многим женам, да и невестам,
Кочевать с бригадным обозом
По сожженным Махно уездам.

Скоро свыклись с армейским бытом,
Научились вы без опаски
Делать раненым перевязки
И глаза закрывать убитым.

А под осень в случайной стычке,
Когда банды вас окружили,
Пулю в лоб махновцу вцепили,
Лишь потом всплакнув с непривычки.

Но зато и губ не разжали —
Чтоб не слушали, не глядели, —
Когда сына в ту ночь рожали
Раньше срока на три недели.

Так с похода, с солдатской каши,
С пули в лоб бандиту, не струся,
Началось замужество ваше,
Материнство ваше, Маруся!

(Так вас ласково, глядя на ночь,
Называет Иван Степаныч;
А вы на людях — всё Иваном,
А одна, без людей, — коханым.)

И сейчас вот сидим мы с вами,
Перебрасываемся словами
В том немецком городе Коттбус,
Где Иван Степаныча корпус.

На тарелку, как гостю званому,
Вы кладете мне всё подряд,
А сама нет-нет на коханого
Да и кинете быстрый взгляд...

Он, пройдя через все сражения,
Седоватый стал, грузноватый,
Может быть, по чьему-то мнению,
Даже «трошки пидстарковатый»;
Ну, а вам, хоть вся жизнь с ним вместе,
Всё он кажется, как невесте...
Может быть, потому так кажется,
Что не с тихих дней, не с лазури —
Начиналась жизнь прямо с бури,
Ну, а в бурю всё крепче вяжется!

Было всякое в жизни этой,
Было счастье — ближе и дальше,
Но, как в песне, на совесть спетой,
Одного в ней не было: фальши.

2

После юности первых взлетов
Показалась вам наказаньем
Строевая его работа,
Гарнизонная жизнь в Рязани.
Чуть рассвет, шел к себе в пулроту,
Приходил угрюм, озабочен...
Обожал свои пулеметы,
А жену, как видно, не очень...
Вы пожаловались несмело,
А его, как плетью, огрело!

Вместо вами стыдливо жданной
Ласки: «Что ты, милая, глупая!..»
— Собирай, — сказал, — чемоданы!
И ушел, сапогами хрупая.

Чуть тогда вы с ним не расстались,
Но поплакали — и остались.

Догадались: не разлюбил он,
Просто слишком самолюбивый.
Приласкал бы, да нету часа,
Потому что кончил два класса;
Хоть имеет два Красных Знамени,
Храбрость храбростью, знания знаниями!
Как вернется, так вечер целый
Чертит, чертит на схемах стрелы;
Схемы разные, стрелы разные,
А глаза всю неделю красные.

Даже вы, бывало, раз нужно,
Прикусив язык, не дыша,
Обводили те стрелы мужние
Тушью после карандаша.

Кое-кто сомневался: где ему!
Но у мужа характер твердый,
Трижды резался в академию —
Все же выдержал на четвертый;
Это было в тот месяц самый,
Когда дочка родилась ваша,
И Иван Степаныч — упрямый! —
В вашу честь назвал ее Машей.

И вам стало жаль, что в двадцатом,
Когда первенца вы рожали,
То зачем-то грозно — Маратом,
А не Ваней его назвали.

Академия, академия!
Горы книг, до утра сидения,
Для мужей на всю жизнь наука,
А для жен по мукам хождение.
— Легче бы уж просто разлука!

Выпуск, праздник! Вдвоем по Волге,
В Сочи — месяц! В Крыму — неделя!
Отдыхали так, чтоб надолго,
Словно в воду оба глядели.

Как вернулись, пошло, поехало —
Назначения, перемещения...
И винить-то, главное, некого —
Не попросит никто прощения!

Не родные вас замуж выдали,
Вы судьбу себе сами выбрали —
Жизнь не райскую и не адскую,
Посредине как раз — солдатскую.

Где вы только с ним не служили,
За собой детей перетаскивая!
Все места показать, где жили, —
Надо к карте вставить с указкою.

Под Чимкентом в тифу лежали,
Под Читой в третий раз рожали...
Умер сын. То ли врач был молод,
То ли в сопках — под сорок холод,
То ли тряской была дорога...
Сами выжили — слава богу!
Целый месяц, пока лечили,
Ждали, что доктора присудят,
И свой приговор получили:
Двое есть, а больше не будет.

К той поре уж вы постепенно
От себя всё реже скрывали,
Что особые перемены
В вашей жизни будут едва ли
И что, странствуя по Союзу
Всей семьей, по военным литерам,
Вам уже не закончить вуза,
А заочно даже не вытянуть,

Уж не стать той, себе обещанной
В двадцать лет, идеальной женщиной,
Что нам в жизни порой встречаются,
А у вас вот не получается...

Говорят, не глупая, умная,
Говорят, на подъем легка...
— А не всё, что в двадцать задумано,
Исполняется к сорока.

Словно плот по течению тащит, —
Переезды, семья, детишки...
И бывает так много чаще,
Чем в прочитанных вами книжках.

Да, вы высших школ не кончали,
Но прошли, несмотря на это,
Свои радости и печали —
Свои собственные университеты.

Не одним стиральным, обеденным —
Вековым наукам домашним,
Научились вы сердцеведению,
Жизнь прожив рядом с мужем вашим.

И когда в боевой готовности
Полк годами стоял в глуши,
Вы такие знали подробности —
Чем мы плохи и хороши,
Вы такие характеры выдвали
Во всей слабости их и силе,
Что писатели бы позавидовали,
Поделиться бы попросили!

И давно уж не вы к кому-то
Шли свои утешать печали,—
Вам, в слезах прибежав под утро,
Горе женщины поверяли,
Чтоб решили, чтоб рассудили,
Потому что для них вы были
Не полковничьею женою,
Просто так — при нем путешественницей,
А то другом их, то судьей,
Тем, что люди зовут общественницей.

Слово это как будто скромное,
Вроде даже чуточку детское,
А как адуемаешься, — огромное,
Ростом в целую власть советскую.

В самых дальних из гарнизонов
Пояса из огня, из стали
Помогали нам строить жены —
Слово это не даром знали!
Жили так, чтоб семья без трещин.
И в бетоне нашей границы
Есть их молодости отцветшей
Принесенные в дар частицы.
Есть, заложенные в основание,
Кроме цемента и песка,
Неисполненные желанья,
Неиспользованные отпуска,
Не надеванные по году,
Потому что случая нет,
Платя, вышедшие из моды,
К свадьбе сшитые в двадцать лет.

И другие жертвы, не меньше,
Что не только до тридцати,
Что и в сорок не просто женщине
Мужу с родиной принести.

Вы простите, что так подробно,
Ставлю точку. Больше не будем...
Но об этом, Марья Петровна,
Тоже знать не мешает людям.

Ничего, не машите руками,
И у вас ведь сердце не камень!

3

Всё на том же Востоке Дальнем,
Но уже не в Чите, в Посъете
Вы встречали деньком печальным
Вашей свадьбы двадцатилетие.

Муж на зимнем выходе в поле,
Сын в Рязани, в пехотной школе,
Все в отъездах, в разъездах — заняты!
Даже дочь не дома.

И пусть! —

Неужели уж так все заняты,
Так всем некогда? Ну, и пусть!
Это только у вас на памяти
Дни их праздников наизусть.

Так за все двадцать лет взгрустнулось,
Словно сердце перевернулось.
Походили пустыней комнат.
Неужели так и не вспомнят?
Стали к зеркалу, погляделись —
Вот и первый седой ваш волос...
Спеть попробовали — не пелось,
В пустоте этих комнат голос
Был, как в поле несжатый колос...

И такая к себе вдруг жалость,
Словно к брошенной, незаконной!
Разрыдались бы, не удержались,
Если б не звонок телефонный!

В трубке голос зимний, хрипчатый,
С промежуточной, в поле чистом,
Незнакомый голос солдата —
Полкового телефониста:

— Командир дивизии просит
Передать его поздравления
И, что явится к вам, доносит,
Прямо с марша, без промедления.
Если ж в ноль часов он не будет,
Просит сутки продлить до завтра...

Что вы, Марья Петровна, будет,
Будет с трубкой сидеть в слезах-то!

Вы же знали, что позвонит он,
Хоть вот так, хоть через солдата,
Вы же знали, что лишь на вид он
Невнимательный, грубоватый
И что вовсе не безответно
Столько лет в нем души не чае.
Или это вам не заметно?
Что лукавите, не отвечаете?

И сейчас вот, меня в гостиной
Одного подымить оставив,
По аллее немецкой, длинной,
Слева под руку, как в уставе,
Он ведет вас, чтоб не устали.
Что-то на ухо вам толкует
И, не видя, что я вас вижу,
Притянув за локоть поближе,
Неожиданно вас целует;
За мгновение перед этим
Глазом вправо стрельнув и влево,
Словно вы с ним — седые дети
И боитесь чьего-то гнева.

Вы смеетесь — отсюда слышу,
А потом о чем-то серьезном...
А потом голоса все тише
Под прозрачным, еще беззвездным,
Под чужим и далеким небом,
Под которым с войны я не был.

Вечер. Мира восьмое лето.
На аллее два силуэта...

4

Час вечерний, время особое,
Когда, за день сойдясь заранее,
Нас толпою злые и добрые
Обступают воспоминания:
Эшелона дымные полки,
Первый бой, что до слез несладок,
Бомбы — в раненых на двуколке!
Первый ненависти припадок.

Первый хриплый свисток атаки,
Немец, навзничь вскинувший руки,
В штопор скрученные бензобаки,
Снег, пожарище, труп старухи.

На воде шипенье осколков,
Сталинградская переправа,
Голос, помнящийся мне долго:
— Ты — налево, а я — направо,
И обнявший меня за шею
На плече навсегда уснувший
Друг, минуту назад, в траншее,
Только шагом правой шагнувший.

Под крылом партизанской ночью,
Фонарями — тире и точки,
И, на случай ошибки, в клочья
Писем порванные листочки.

И опять дороги, стоянки,
Самолетов связанных болтанки,
Молотящие с ревом длинным
Марсианских калибров пушки,
И рассвет.

И с лесной опушки
Дым и зарево над Берлином.

Ну, а вам про что вспоминается
В этот вечер, Марья Петровна?
Тот июнь, где всё начинается...
Муж назначен приказом в Ровно
Принимать дивизию срочно
И лететь, пока без семьи.
— Жаль, привык здесь, дальневосточник,
Ну, да ладно, всюду свои!
Поцелуй на аэродроме...

А с утра — начало войны.
Кто поймет до конца вас, кроме
Командирской, как вы, жены?

Жить при нем часовым бессонным,
Кочевать с ним по гарнизонам,
По медвежьим углам недобрым,
По ученьям да по маневрам.
Жизнь прожить, как рука с рукою.
А когда война началась,
Что за горькое горе такое:
Без него — вы.

А он без вас.
Хуже нету этого хуже:
Слушать, слушать каждую ночь
Лишь обрывки вестей оттуда,
Где ничем ему не помочь,
Где ваш муж, считая бесчестьем
Без приказа выйти из боя,
Лег с дивизией своей вместе,
Киев загородив собою.
Вам про смерть его написали
Двое тех, что к своим попали,
Как до смерти его не бросали,
Даже как могилу копали.

Так в подробностях всех жестоки
Были эти солгавших двое,
Что вы там, на Дальнем Востоке,
Еще долго жили вдовую.

А что все же его увидели,
Сам нисколько не виноват он.
Виноваты в этом солдаты,
Что присягу не зря давали,
Что тащили на плащ-палатках
Полумертвого командира,
Да тот фельдшер, что клал заплатки
На пробитые в теле дыры,
Да ночами небо безлунное,
Да здоровье его чужное.

На Урале, на полдороге,
Было первое ваше свидание.
Десять суток в пути, в тревоге,
Ко всему готовясь заранее,
Торопясь, тесемки халата
Оборвав в приемном покое,
Вы бегом вбежали в палату,
Чтоб увидеть, что с ним такое.
На какие-то полсекунды
Показалось почти обидным,
Как он встретил, на ласку скудно,
Как вам руку пожал обыденно.

Усадил у себя на койке,
Побледневший, одутловатый,
Всё шутил про свои осколки,
Что уже разыскивали пятый,
А шестого, по донесениям,
Как ни роют, никак не выроют,
И приходится — нет спасения —
Ждать, пока всего разминируют.

Но внезапно, будто сломалась
Им придуманная броня:
— Э, да ты поседела малость...
Скоро, мать, обгонишь меня!

Вы сидели рядом, молчали,
Долго руку в руке держали
И глядели ему в глаза, —
В глубине их жила слеза,
Не растроганная,
А страшная,
Ледяная, расплаты ждавшая
За разгром и гибель вчерашнюю...
За дивизию, мертвой павшую.

(Ту слезу, за четыре года,
Не пролив ее ни при ком,
Лишь в Берлине, в конце похода,
Муж ваш с глаз сдерет кулаком!)

Вы сидели рядом и знали:
Он вас любит и рад вас видеть,
Но из госпиталя, как выйдет,
Он домой заедет едва ли.
Он не каменный и не железный,
Но об этом с ним бесполезно.

Через месяц вы уезжали
Двумя встречными поездами.
Оба поезда опоздали,
Вы с ним ждали в холодном зале.

Ждали, жали друг другу руки,
Зная всё и всё же не зная,
Что отмерено с ним разлуки
Вам теперь без конца, без края,
Что вам три беспощадных года
Будет помниться с двух сторон
Та свердловская непогода,
Заметенный до плеч перрон,
Снег, к летящим окнам прилипший,
Рев гудка на последней фразе,
Тот уральский день, разделивший
Вас двоих, как Европу с Азией.

Десять дней потом, напролет,
Вы качались на верхней полке.
А в душе, будто битый лед,
Будто смерзшихся слез осколки.

Так хотелось поехать с ним,
С дорогим, своим, золотым,
Мыть, стирать бы ему рубашки,
Промывать ему в ранах гной,
Не женою — не те замашки —
Санитаркой простою в строй.
Только чтобы с ним всюду рядом,
А убьют — так одним снарядом.

Не хотела просить — откажет,
Слава богу, характер знала.
Но к отъезду решила: скажет.
И в последнюю ночь сказала.
Сел, еще в бинтах, на кровати,
Стали ласковыми глаза.
Час молчал всё, волосы глядя,
А потом отрезал: «Нельзя!
Досиди уж там, где сидела,
Мне спокойней будет для дела».
Ну, а дело его — война,
Значит, снова молчи, жена!

Маша, доченька, мать встречала,
Слезы радости на ресницах!
Ты в четырнадцать лет не знала,
Что на женском сердце творится,
Что готова, хоть завтра, мать
Всё — тебя и дом побросать,
И уехать — была бы воля! —
В дальний край, где поет свинец,
Где в неведомом снежном поле
Насмерть стал сейчас твой отец.

Собрала таких же солдаток,
Как сама, целый вечер пела,
И, как муж говорит, — порядок,
К утру сердце перекипело,
А какой осадок на дне,
Знать лишь мужу да вам, жене.

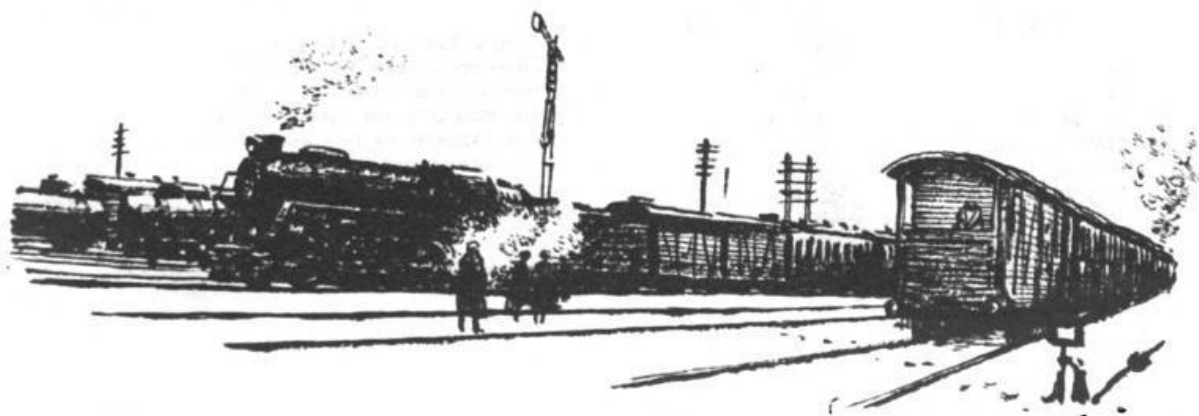
Письма, письма! Безбожно долго
Вас на Дальний Восток везут.
Дымный след протянут над Волгой,
С толкачом на Урал вползут,
Под Тюменью застрянут где-то,
Под Читкою влезут в тоннель,
И дотащатся до Посыета
Хорошо, как за пять недель.

От столов и до подоконников,
Почта вечно полным-полна,
Из квадратов и треугольников
Заливает ее волна.

Под неслышный здесь грохот пушек,
Торопясь, с утра до темна
Сортируют трое девчушек
То, что пишет домой война.

Но не могут, как ни наметаны,
Всё поспеть их глаза и руки,
Штатом почты не предусмотрено
То, что целый народ в разлуке;
То, что, как умирать ни больно,
Но, идя в атаку, чтоб жить,
Людам хочется в треугольник
Перед этим душу вложить.

Муж писал вам в неделю раз.
Жив. Здоров. Скучает по вас.
Сослуживцам привет. И дочке.
Всё всегда на одном листочке.
С твердым росчерком, с точной датой, —
Так, как пишет солдат солдату.

И бывало вам, как лекарство,
Как от женских тревог спасенье,
Это через всё государство
К вам пришедшее донесенье.

Иногда, то реже, то часто,
Приходили письма от сына:
Про товарищей, про начальство,
Про последнюю кинокартину.
И про то, что — теперь уж точно, —
Не задержит их ни черта! —
Они едут на фронт досрочно,
Весь их курс подаль рапорта!

Над письмом его, пригорюнясь,
Вы роняли слезы на скатерть.
Как наивно боится юность,
Что войны на нее не хватит!

Машка — дочь, девчонка с косою,
Всё сидит, уткнувшись, в газету,
— Мама, сколько лет было Зое?
И глаза отводит от света.

Мать не дура, мать понимает:
Вот и эта спешит туда же,
И сбежит еще, кто их знает...
— Не пушу, и не думай даже!
Час лисичкою промолчала,
А потом тихонько, упрямо:
— Мама, а мама, послушай, мама,
А ведь ты сама воевала!

Где-то вырыла, с того света,
Снимок ваш, в сапогах, в шинели,
И заставила спеть. И спели,
Как умрем мы за власть Советов!

За ночь снег напал до окон.
Дочь давно уж по-детски спит,
Только мать, подперевши щеку,
Всё над карточкой той сидит.

А назавтра вдруг телеграмма:
«Едем в бой, до свиданья, мама!»

Вот и оба у вас на фронте...
День по комнатам проходили,
То одно, то другое тронете, —
Даже и обед не варили...
Дочь вернулась домой вприпрыжку,
Но, в лицо вам как посмотрела, —
Сразу ужин сама согрела
И забила в угол, как мышка.

Нет, вам с этой минуты мало
Тех забот, что раньше хватало:
Рынок, очередь в два квартала,
Приготовить да постирать,
Утром дочку в школу собрать,
Для нее, как себе, бывало,
Платья старые перешить...
Хоть и занят весь день, а мало,
Нету права так дальше жить,
Когда сын за отцом вдогонку
Где-то едет в снегах на фронт.
И уносит его трехтонка
За кровавый тот горизонт.

Правда, кровь вы пять раз сдавали,
И пойдете завтра в шестой,
Но такая помощь едва ли
Не казалась самой простой.

Кто из женщин в тот год суровый
Свою кровь для своих жалел?
А уж вам-то, такой здоровой,
Это делать сам бог велел!

Был бы госпиталь здесь — туда бы
Санитаркой или кухаркой,
Всё, что делать умеют бабы,
Делать так, чтобы небу жарко!

Жалко, госпиталя здесь нет —
У границы стоит Посьёт.

Десять служб обошли, пожалуй,
Ни к одной душа не лежала.
Вам хотелось здесь, в тишине,
Службу выбрать — ближе к войне.

Городская почта — домишко,
Где всего лишь месяц назад
Вы ругали девчат, что слишком
Долго письма у них лежат;
А теперь вот сидите сами
За конторкою у стола,
А сидевшая перед вами
Добровольно на фронт ушла.

Письма, письма!
Нет, хладнокровно
Разбирать их по адресам
Все три года, Марья Петровна,
Не хватало умения вам!

Как раскладывать по кварталам
Голоса всех живых и мертвых,
Что дошли, словно гул металла,
В треугольниках полустертых?

Только адрес есть на конверте,
А в конвертах — жизни и смерти.

Если б знать вам на почте, тут же,
Что внутри там — был в окружении?
Жив? Нашелся? Ранен? Контужен?
Пал, по слухам, в первом сражении...
Слух, что умер, — взять, не поверить!
Задержать, запросить, проверить.
Слух, что жив, — конверт отложив,
В телефон закричать, что жив!

Но приходит девочка в старых,
Сбитых набок маминих ботах
И берет всех судеб удары,
Радость чью-то и смерть кого-то.
И, сверяясь с книгой рассыльной,
В сумке, от угла до угла,
Тащит весь тот груз непосильный,
Что ей за день война дала.

Как вы прожили те три года,
Бесконечных тысячу дней?
Вам казалось, ваша работа
То всех легче, то всех трудней.

Потому казалось труднее,
Что с нее, как с большой горы,
Было горе людей виднее,
Всем невидное до поры.
Ну, а легче порой казалось,
Потому что двоих своих
Терпеливей в разлуке ждалось
Среди стольких разлук других.

Сколько слез людских за неделю,
Сколько жалоб, что нет письма...
Хорошо, что право имели
Им ответить: — Я жду сама.
— А у вас он где?

— Под Москвою.

— А у вас?

— У меня под Мгой.
(Промолчал, что у вас их двое,
И не знаете, где другой.)
Сын служил в парашютно-десантных,
Был сегодня здесь,
завтра там.

Нет, отец его в адъютанты
Не пристраивал по фронтам,
Не искал ему мест потише,
Не укрыл от передовой!
Вот и вышло, что редко пишет
И рискует там головой.

Жило, спрятанное поглубже,
Как притоптанный уголек,
Что-то вроде упрека мужу:
Мог бы, мог! А не поберег.
Но при этом прекрасно знали:
Окажись они завтра дома —
Не посмели б так, не сказали
Ни тому из них, ни другому!

После службы дома постыло
Вам, как многим в те годы, было,
Шли усталая на ночь глядя,
Да и то лишь дочери ради.

Как умели, ее воспитывали,
Как могли накормить, — кормили,
По субботам полы с ней мыли,
Чувства праздника не испытывая.

И под всем на вас легшим бременем,
С днями этими и ночами,
Не хватало порою времени
Тосковать, как раньше, вначале,
Даже тою злою тоскою,
Приходящей вдруг по ночам:
Что другие там, под рукою,
И что пятый десяток вам;
Письма — письмами, а разлука
Уж на годы счет повела...
Даже эта женская мука
Редкой гостьей у вас была.

То ли слухов не доходило,
То ли думать противно было...

А ответить совсем уж точно —
Долгой ночью ли, долгим днем,
Не на этом сосредоточены
Были ваши мысли о нем.

На душе то лучше, то хуже,
Но под этим всем, в глубине,
Год за годом думы о муже
Были думами о войне.

И надежду, что минут беды,
Что ваш муж и сын будут живы,
Не на них одних — на победу
Вы в душе своей возложили.

Да, вы знали, это бывает:
Два письма — что их нет в живых!
А победа так опоздает,
Что придет к вам уже без них...

Но представить, что всё пропало,
А они живыми пришли, —
Тут в вас мать и жена молчала,
Так их ждать бы вы не смогли!

От войны в любую минуту
Мир души вашей был зависим.
И, по совести, вы салютов
Часто ждали не меньше писем.

9

А теперь — о самом тяжелом.
В сорок пятом, в зимнюю стужу,
Наконец-то с фронта пришел вам
Долгожданный вызов от мужа:
Чтобы вы выезжали сразу,
И такие две нежных фразы,
Даже холод прошел по коже,
Даже на него не похоже.

И уже — чемодан под полкой,
И, с улыбкой слезы мешая,
Дочка просит: — Чтоб не надолго!
— Ничего, проживешь — большая!

И глядите, почти без грусти,
Как перрон поплыл понемногу.
Как ни странно, дурных предчувствий
У вас не было всю дорогу.

Вам казалось, что все понятно:
Он вас ждет к одной годовщине,
К той, которую так приятно
Не самой напомнить мужчине!
Дело было теперь за вами,
Как в дороге не сплоскаться бы,
Оказаться там, куда звали,
К дню серебряной вашей свадьбы.

И успели! К удаче вашей,
Через три гробовых метели
Лейтенант, вас звавший мамашей,
Свой «У-2» дотащил до цели.

А потом с адъютантом мужа,
Вдруг на сына чем-то похожим,
Целый час еще — бездорожьем,
Ранней оттепелью, по лужам!
И, подпрыгивая на сиденье,
Все вопросы за все три года:
— Не болел ли? Не поседел ли?
Как нога в дурную погоду?
Адъютант отвечал сурово,
Словно стоя перед ревизией:
— Никак нет, командир дивизии
Не болел. И сейчас здоровый...
Точно так. Генерал весь белый...
А давно ль — адъютант не знает;
Прежний знал, да миной задело —
Он лишь временно заменяет.

Муж не встретил — уехал в части.
Но и тут, пока его ждали,
Что кругом вас бродит несчастье,
В эту ночь вы не угадали.

Только утром, когда при встрече,
Весь залеплен грязи кусками,
Он, не сняв шинели, за плечи
Взял вас дрогнувшими руками,
А глаза его затосковали,
Молча мимо глядя куда-то...
Словно сердце вам оборвали
Тем нелгущим взглядом солдата.

«Что, убит?» — о сыне спросили
Тожже молча, глазами только.
И почти нелюдским усиьем,
Деревянно сели на койку.

Утешать вас даже не пробуя,
Муж сидел, говорил, как было...
Зная сам, что оба до гроба вы
Не смиритесь с этой могилой.

— Посылать тебе извещение
Не хотел... Хотел тебе сам...
И, как будто прося прощенья,
Гладил, гладил по волосам.

— Завтра... — В горле перехватило —
Переждал, помолчал минуту, —
Съездим днем туда, на могилу, —
И к стене отвернулся круто.

Вы сидели, не живы словно,
Умереть, заснуть, не вставать бы...
Так вы встретили, Марья Петровна,
День серебряной вашей свадьбы.

10

А на завтра виллис заправлен
Так, чтоб сделать двести и двести.
— Генералу к соседу справа
Надо съездить с женою вместе.

Всё оформлено по закону —
Сам командующий по телефону
Материнского горя ради
Разрешил отлучиться на день.

Зная, как возить генерала,
Жал водитель — все девяносто!
Аж брезент на лету сдирало,
Да мелькали польские версты.

А жена с генералом рядом
Села, руку рукою сжала,
И ни влево, ни вправо взгляда —
Словно тут сто раз проезжала.

Как впились в стекло ветровое,
Так и смотрит — даже обидно,
Будто видит что-то такое,
Что другим никому не видно.

Генерал ей и то и это:
— Не замерзла? Не продувает?
А она на всё без ответа.
Только руку крепче сжимает.

Да, он прав был, этот водитель:
Всю дорогу в метели вóлках
Вам казалось, что вы глядите
На далекий маленький холмик,
Где лежит, на землю уроненный
И землею той же прикрытый,
Сын ваш, месяц назад схороненный,
Но для вас — лишь вчера убитый.

И когда вы наземь слезали
У фанерного обелиска,
Вы всё это издали знали,
Только вдруг увидели близко.

Вы не плакали, не рыдали,
А дрожа, как в лютую стужу,
Молча два часа простояли,
Опираясь на руку мужа.

И уж было совсем собрались,
Но, не выдержав, обернулись.
И вот тут-то и разрыдались!

А когда, наконец, очнулись,
Оторвав глаза от платочка,
Глаз других увидели муку
И с пучком озябших листочков
На могилу легшую руку.

Перед вами тихо стояла
Девушка в солдатской шинели,
Видно, вас тут пережидала,
Даже руки все посинели.
Где цветы она отыскала,
Где зимой — в январе — достала их?
А лицо такое усталое,
Словно месяц глаз не смыкала...

Вас обеих какой-то силой
Уж почти толкнуло друг к другу...
Но она ль себя не пустила,
Вы ль не сразу подали руку —
Вдруг рванулась, как от погони,
И ушла без слез, без вопросов.

И запомнились только косы,
Да снежок на левом погоне,
Да листочков зеленых чудо
На снегу, на могиле сына,
Да самою, нивесть откуда,
Имя данное — Катерина...

11

На обратном пути смотрели
На лежавшие при дорогах
Танки, что здесь насмерть сгорели,
На деревья в черных ожогах,
На часовни без крыш и окон;
Все, как в оспе, в следах осколков.
Как от дому уже далеко...
А идти еще надо сколько!
Сколько будет еще, кто знает,
Этих со звездой пирамидок
На холмах, друг друга сменяя,
Не теряющихся из вида!

Если б каждая, что теряла
Сына в каждом смертном бою,
Над могилой, как вы, стояла,
Принесла сюда скорбь свою,
Даже только на этих склонах,
На просторах этих полей,
Их не счесть бы, фигур, согбенных
Над могилами сыновей.

Плыл вечерний дымок над хатой,
И обочиною, стороной,
Шли молоденьких два солдата
С фронтовой, в сапогах, девчонкой.
И, как дома, тоненько-тоненько,
Позабыв, что кругом война,
Где-то пела вдали гармоника,
Чтоб слышней была тишина.

Генерал из машины вышел,
Посмотрел на красный закат
И угрюмо сказал: — Затишье! —
Так, как будто он виноват.

Вы смолчали, Марья Петровна,
Сами знали, что долг отца
Путь оставшийся хладнокровно
За двоих пройти до конца.

Ну, а вы? Неужели даже
И теперь он вас не поймет?
Что нужны вы ему, не скажет,
Здесь остаться не позовет?

Ночью, за невеселым ужином,
Встал, сказал сурово, без жалоб:
— Порознь, думаю, будет хуже нам,
Лучше, если б не уезжала;
Где-нибудь тебя определим,
Там, где надо, не как жену,
В ППС или в политотделе
Довоюешь с нами войну.

Сел, замолк, словно снова нет его...
Да, недаром вы четверть века
И любили и знали этого
Неречистого человека,
Говорившего слово «нужно»,
Только если уж дозарезу,
Говорившего слово «дружба»,
Только если уж — как железо,
И сидевшего терпеливо,
Ожидая от вас ответа...
Даже в горе почти счастливой
Вас минута сделала эта.

Утешенья, ласки — всё мимо,
Всё не во-время, глупо, рано,
Только словом «Необходима!»
Заживляют смертные раны...
Для того и позвал сюда.
— Ты нужна. Остаешься?
— Да!

12

Третью трубку курю, скучая,
Без хозяина и хозяйки.
Головами тихо качая,
Липы шепчутся на лужайке.
И, как вежливые домочадцы,
Пошуметь отлетев в сторонку,
Даже дятлы в парке стучатся
Не как наши — редко, негромко.

Где-то близко тени мелькнули,
Под ногою ветка сломалась...

— Как вы тут без нас, не заснули?
Мы с женой загулялись малость!

Генерал садится в качалку,
Как обычно, немногословно,
Тронув за конец полушалка,
Чтоб присела и Марья Петровна.

— День в делах, а поближе к ночи
Так бывает домой охота...
Вот и ходим, дорожки топчем,
Мы ведь с нею оба — пехота.

Кисть платка тихонько покручивая,
Погрустнев, притомившись за день,
Вы сидите с мужем, задумчивая,
В потемневшее небо глядя.

На земле кругом все немецкое,
А луна не здешняя — русская.
И песком посыпана детская,
Вьется небом дорожка узкая,
Вьется вдаль, надо всем, что пройдено,
Над местами, где муж служил,
Над полями, где сын за Родину
Честно голову положил,
Над Курильской грядой, бессонною,
Где, небось, уж рассвет встает
И где ваша дочь

гарнизонную
Службу с мужем своим несет,
С тем, казавшимся вам отпетым,
С тем отчаянным, с тем проклятым
Капитаном, что из Посыета
Взял, увез ее в сорок пятом...

А теперь, как ни странно,
Они оба счастливы с Машею,
И зовут майора Иваном,
Как Иван Степановича вашего.

Тянет в небе далекой гарью...
Хорошо, что не только тут,
Что вторые Иван да Марья
На Курилах где-то живут
И что всюду, где есть военный,
Самый маленький городок,
Есть и этот обыкновенный
Неразлучный, как вы, цветок.

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Огромной буквой «П» поднялся под сводами цеха портал будущего станка. Массивные стойки, весом в несколько десятков тонн, скреплены на высоте двухэтажного дома такой же увесистой чугунной перекладиной. Внизу сборщики устанавливают коробку скоростей размером чуть меньше товарного вагона. Неподалеку подъемный кран только что опустил чугунный круг планшайбы. Крохотными, едва приметными выглядят человеческие фигуры на фоне этих металлических громадин.

А людей здесь немало. Слесари, электрики, технологи, бригадир, мастера — не один десяток человек трудится над сборкой нового карусельного станка, изготавливаемого на Коломенском станкозаводе.

— На этом станке будут обрабатывать уникальные тяжелые детали — весом до ста восьмидесяти тонн и диаметром до шести с половиной метров, — рассказывает заместитель начальника цеха В. Н. Суханов.

Чтобы перечислить все электромоторы, которыми будет приводиться в движение станок, Суханов по нескольку раз загибает пальцы на обеих руках.

— Сорок пять моторов общей мощностью шестьсот восемьдесят пять киловатт, — подводит он наконец итог, — целая электростанция. Одних проводов сто пятьдесят километров придется уложить.

Уникальный станок-гигант строится в Коломне по заказу Китайской Народной Республики. Участвуя в предоктябрьском социалистическом соревновании, бригада А. М. Кислякова обязалась закончить сборку досрочно.

В соседнем пролете, на участке мастера В. А. Шлягина, сейчас тоже горячая пора: закончена сборка, и началось испытание другого уникального станка — продольно-строгального.

Под крышей цеха он высит, словно корабль в эллинге. На рабочем столе станка свободно уместятся четыре газовских грузовика. Предназначенный для обработки станин, фундаментных плит и других тяжелых деталей, станок этот занимает в длину около тридцати метров, весит триста шестьдесят тонн.

Коломенские станкостроители — смелые новаторы в технике. Пройдем в противоположный конец просторного цеха, и нам откроется совершенно необычная картина. Карусельный станок с диаметром планшайбы в пять метров обрабатывает громоздкую круглую деталь, диаметр которой — более шестнадцати метров. Присмотримся внимательней, и мы увидим, что эта деталь, предназначенная для гигантского станка, не вращается, как обычно, на планшайбе, а стоит неподвижно. Вращается же лишь сама планшайба с установ-

ленным на ней приспособлением, несущим резцы и измерительный инструмент.

Приспособление это, созданное заводскими технологами и конструкторами, весит ни много, ни мало тридцать тонн. Вновь строящийся станок «КУ-18» — коломенский уникальный, рассчитанный на обработку деталей диаметром до восемнадцати метров, — будет одним из самых крупных в мире.

Из цехов завода, раскинувшихся по высокому берегу Оки, коломенские станки совершают дальний путь к заводам-заказчикам. Демонтированные, упакованные в сотни ящиков, погруженные в десятки вагонов, они едут из Подмосковья на Урал, Украину, в Донбасс, Закавказье и Сибирь. Заводская марка «ЗТС-Коломна» существует всего лишь шесть лет, но пользуется широкой известностью в нашей тяжелой индустрии. Шесть лет назад созданный в Подмосковье завод тяжелого станкостроения выпустил первую серию обычных токарно-винторезных станков. Ныне, когда заводская продукция увеличилась в четыре с лишним раза, уникальные станки-гиганты с коломенской маркой можно встретить на многих предприятиях тяжелой машиностроения — там, где делают турбины, шагающие экскаваторы, изготовляют металлургическое и шахтное оборудование.

В Харькове и Свердловске, в Новосибирске и Краматорске — всюду, куда идут коломенские тяжелые станки, монтаж их руководят шеф-монтеры — представители завода-поставщика. Одновременно шеф-монтеры обучают и местных рабочих. Новый станок только тогда считается сданным заказчику, когда в Коломну поступит акт, свидетельствующий о том, что со стороны завода никаких претензий нет.

Начальник отдела монтажа и наладки Н. П. Курович открывает книжный шкаф, уставленный множеством папок. В каждой папке «личное дело» станка, работающего сейчас где-нибудь за тридевять земель от Коломны. Тут же и подробные оценки деятельности шеф-монтеров. Вот письмо из Воронежа, выражающее благодарность шеф-монтеру В. М. Ермилову. Вот похвальные отзывы о монтаже, проведенном В. С. Читальниковым, Г. О. Алексеевым и другими представителями Коломенского завода. Рядом со шкафом большая географическая карта, испещренная красными кружочками. Ими помечены города, в которых работают коломенские тяжелые станки.

Н. П. Курович вычерчивает красным карандашом новый кружок на берегах Балтики: в Ленинград отправлен оригинальный станок, созданный по проекту заводского конструктора В. И. Островского. Сейчас конструктор руководит монтажом и наладкой станка на месте.

Приходят в Коломну письма от инженеров и мастеров — шеф-монтеров, командированных заводом в Китай, Польшу, Венгрию и другие страны народной демократии. И за пределами Родины отлично работают станки-гиганты, построенные молодым советским заводом в старом русском городе Коломне.

С. МОРОЗОВ

Фото С. Осипова.

В. С. КАЛИНИН, бригадир сборщиков.

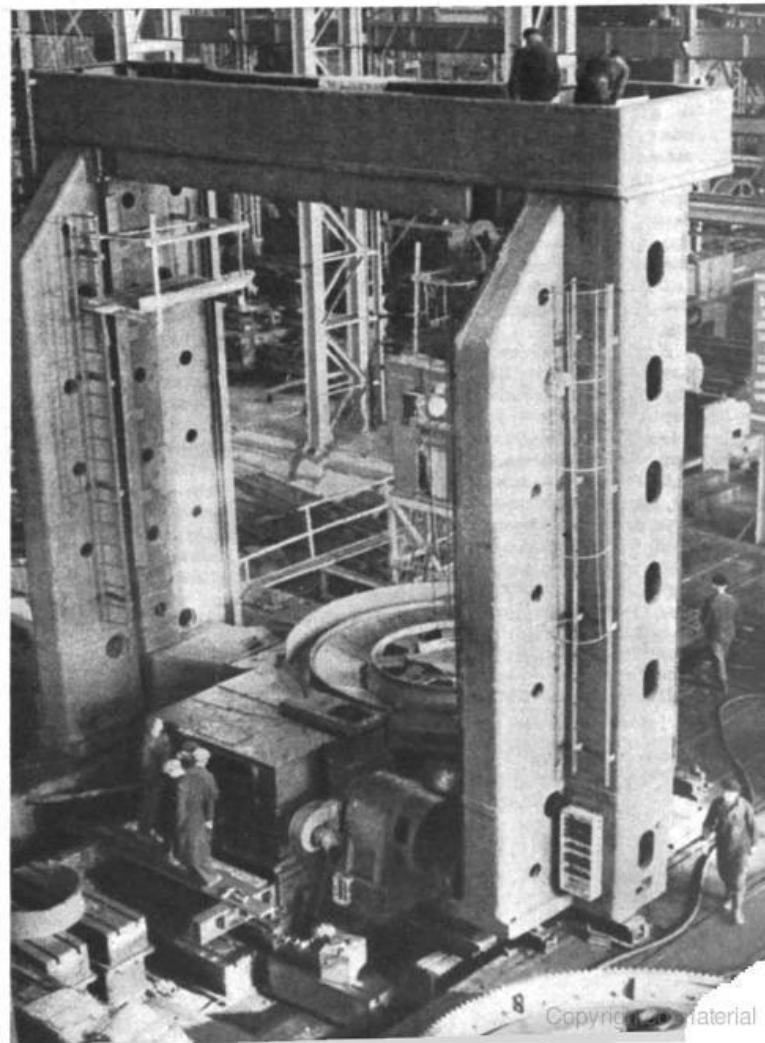
Месячные программы сентября и октября наша бригада перевыполнила. В нынешнем году вместо десяти тяжелых карусельных станков мы выпустим одиннадцать. Стоит добавить к этому, что каждый такой станок по своим габаритам равен примерно тридцати — тридцати пяти обычным токарным станкам.

В. Н. ЛОМАКИН, инженер-конструктор.

Проекты двух оригинальных станков, разработанные в этом году нашей группой в конструкторском бюро завода, уже пущены в производство. Сейчас в подарок Октябрьской годовщине мы заканчиваем третий проект. Новый зубофрезерный станок, рассчитанный на обработку колес диаметром в два метра, будет дешевым и отличается большой производительностью.

Этот уникальный станок будет собран досрочно — к 37-й годовщине Октября.

Н. П. КУРОВИЧ, начальник отдела монтажа и наладки.

Немало наших товарищей встречают Октябрьский праздник вдали от родного завода. Но и в других городах, руководя монтажом новых станков, они вместе с нами участвуют в социалистическом соревновании, высоко держат честь заводской марки коломенских станкостроителей.

Члены норвежской делегации в Москве.

Стойте на страже мира...

10 лет тому назад, 24 октября 1944 года, части Советской Армии, гремя гитлеровских захватчиков, вступили в норвежский город Киркенес и положили начало освобождению северной части Норвегии.

Накануне десятой годовщины этого события в Советский Союз приехала делегация общества «Норвегия—Советский Союз», представляющая различные области страны.

24 октября члены делегации пригласили к себе группу советских друзей.

— Есть две причины, по которым мы просили вас побыть сегодня с нами,— сказал руководитель делегации архитектор Тобиас Рицау.— Первая заключается в том, что сегодня отмечается десятилетие освобождения Киркенеса. Норвежское правительство пригласило на эти торжества правительственную делегацию СССР. Мы встретили генерала Щербакова и адмирала Зюина в Осло перед отъездом. Мы приехали сюда как делегаты общества «Норвегия—Советский Союз». А вторая причина—это все растущие культурные связи между нашими странами. Однако не надо забывать, что все это не было бы возможным без Советской Армии. Народ Норвегии никогда не забудет, что именно солдаты Советской Армии изгнали из Финмарка наших общих врагов.

Есть люди, которые стараются убедить нас, будто бы народы Советского Союза теперь угрожают нам нападениями. Но мы умеем отличать друзей от врагов.

В течение тысячи лет между нашими странами царили отношения дружбы. И эта дружба продолжается, несмотря на то, что Норвегию связали Атлантическим пактом, несмотря на трудности, возникающие на пути тех людей, которые работают во имя этой дружбы.

После речи Тобиаса Рицау

поднялась домашняя хозяйка из Киркенеса, жена столяра, мать троих сыновей, Сульвей Вике и рассказала о том, чему она была свидетельницей в октябре 1944 года.

— Мы всегда хорошо относились к русским,— говорила она.— Мои родители рассказывали, как еще до революции к нам приходили корабли с прекрасной украинской пшеницей, увозящие затем от нас рыбу. Все норвежцы, встречавшиеся с русскими, говорили, что это добрые, веселые люди. И после Октябрьской революции мы внимательно следили за жизнью в Советской стране, читали литературу, посылали делегатов. Но вот наступила вторая мировая война. Норвегия была оккупирована. Тяжко страдало от оккупации гражданское население. Мы видели, какому нечеловеческому обращению подвергались русские военнопленные, находившиеся в немецких концлагерях в Норвегии. Мы помогли им, чем могли,— давали им немного картофеля, кто рыбы, кто моток шерсти, кто пару носков. Это было, конечно, строго запрещено. Но мы ухитрились передавать это незаметно, кладя куда-нибудь в определенное место, под камень. И никто ведь не мог арестовать норвежца за то, что у него пропала кастрюлька с рыбой.

Киркенес был почти полностью разрушен, он подвергался непрерывным бомбардировкам. И население его ушло в шахты, в туннель около Киркенеса. Там мы жили, стирали белье, рожали детей. В начале октября мы увидели, что гитлеровцы объяты паникой, и поняли, что приближаются русские. И вот однажды в туннель пришли командиры и бойцы; они несли красное знамя и норвежское знамя. Стихийно зазвучали норвежский гимн «Да, мы любим эту страну» и «Интернационал». А потом мы все обступили русских, обнимали и целовали их. В эти минуты не было сухих глаз.

В Киркенесе осталось всего несколько домов, и эти дома советские воины отдали норвежцам. Русские помогали нам всячески — продуктами, транспортом. Но они за-

ботились не только о нашем материальном благополучии. Они понимали, что молодежи хочется собираться, веселиться. И вот в единственном уцелевшем баране они устроили клуб, куда ежедневно вечером можно было прийти и потанцевать. Здесь советские воины выступали для нас с песнями, песнями, танцами. Играл их оркестр.

Русские пришли, как друзья, и ушли, как друзья.

И вот теперь снова воскресает в Норвегии геббельсовская пропаганда. Нас стараются убедить в том, что Советский Союз готовит на нас нападение. Но у нас у каждого есть русские друзья — Иваны, Михаилы, Александры,— и мы знаем, что они никогда, никогда не нападут на нас. Мы никогда не забудем, что они сделали для нас в Финмарке в 1944 году. Они принесли нам свет.

С глубоким волнением выслушали собравшиеся этот простой, от сердца идущий рассказ.

Выступали и советские люди. Посетивший в прошлом году Норвегию народный артист СССР М. Царев сказал, что в этот памятный и для норвежцев и для воинов Советской Армии день многие и советские и норвежские женщины скорбят о своих близких, отдавших жизнь за свободу норвежского народа.

— Я приветствую норвежских женщин,— сказал он,— борющихся за мир. Пусть не льются никогда больше слезы жен и матерей.

Крепкая, нерушимая дружба связывает народы Советского Союза и народ Норвегии, сердца их бьются в унисон, как и сердца всех миролюбивых людей.

Мир нужен и советскому человеку и норвежцу. О мире мечтали те, кто заплатил за него самой дорогой ценой — своей жизнью. А борьба за мир призывал в самые тяжелые годы войны славный сын норвежского народа Нурдаль Григ:

Но вы, молодые, живые,
Стойте на страже мира —
Того, о котором мечтали...

Н. КРЫМОВА

Премьер-министр Индии Неру в Пекине

Китайская общественность тепло встретила премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, гостящего в Пекине по приглашению правительства Китайской Народной Республики. Премьер-министра сопровождают его дочь Индира Ганди и генеральный секретарь министерства иностранных дел Пиллан.

Чжоу Энь-лай беседует с Неру. Первая слева — Сун Цин-лин, справа Индира Ганди.

Фото агентства Синьхуа

Воля народа демократической Германии

17 октября граждане Германской Демократической Республики выбирали депутатов в Народную палату и окружные собрания. За единый список кандидатов Национального фронта голосовало подавляющее большинство избирателей. Выборы в ГДР продемонстрировали волю всего германского народа бороться за свободную, демократическую Германию, за ее национальные интересы.

Жительница Берлина Ингеборг Бебере на вопрос: «За что вы голосуете?» — ответила: «За то, чтобы мой муж не был солдатом».

Фото Центральбильд.

А. И. Корзухин (1835—1894). ПТИЦЫ ВРАГИ. Около 1887 года.

А. И. Корзухин. У КРАЮШКИ ХЛЕБА. 1890 год.

Государственный Русский музей.

Живопись А. И. Корзухина

Шестьдесят лет назад, 18 октября 1894 года, умер один из зачинателей русского бытового жанра, Алексей Иванович Корзухин (1835—1894). Советскому зрителю Корзухин, принадлежавший к блестящей плеяде русских художников XIX века, известен как автор ряда жанровых полотен.

В 1858 г., будучи еще крепостным, Корзухин поступил в Академию художеств, преодолев для этого огромные трудности. В первые два года пребывания в Академии он получает за свои работы две серебряные медали. Творческий успех дает ему возможность покончить с зависимостью от помещика.

В 1863 г. группа молодых живописцев вышла из Академии художеств и организовала «Артель художников», ставшую центром нового, реалистического искусства. Среди них был и Корзухин.

Уже его ученические работы обратили на себя внимание общественности. И. Е. Репин, вспоминая о зарождении демократического направления в искусстве, писал: «Картины той эпохи заставляли зрителя краснеть, содрогаться и поостороже вглядываться в себя. Не угодно ли любоваться картиной Корзухина: пьяный отец вваливается в свою семью в бесчувственном состоянии. Дети и жена в паническом ужасе... До чего одичал этот варвар! Что это за бессмысленное животное!» Речь идет о самом раннем жанре Корзухина — «Пьяный отец семейства» (1861 г.).

С годами Корзухин становится живописцем-бытописателем. За жанровую картину «Возвращение с сельской ярмарки» (1868 г.) он получил звание академика. К этому же периоду относятся «Канун рождества» (1869 г.) и «На свиданье» (1870 г.).

Корзухин принимал деятельное участие в выработке устава «Товарищества передвижных выставок», но членом этого славного объединения был недолго. И все же имя Корзухина часто ставится в один ряд с име-

нами членов Товарищества, поскольку в своем творчестве, посвященном народной жизни, художник до конца своих дней оставался верен принципам передвижников.

Художник не брал для своих картин ярких, исключительных событий, он любил останавливаться на незаметных с виду явлениях. Преследуя в искусстве задачу живого и реалистического изображения человека, художник предпочитал рисовать небольшие сценки, проникнутые теплом и задушевностью, удивительно жизненные и правдивые. Он умел схватывать самые характерные черты в людях и верно выражать их.

Даже идиллические жанровые сцены, такие, как «В воскресный день», «Петрушка идет», «Бабушкин праздник», согреты любовью к простому народу.

Две самые известные картины А. И. Корзухина — «Перед исповедью» (1877 г.) и «В монастырской гостинице» (1882 г.), находящиеся в Третьяковской галерее, — отличаются яркой и меткой характеристикой действующих лиц, мастерством исполнения. Художник не выносит здесь резкого приговора действительности, как это делал В. Г. Перов в своих ярких антирелигиозных произведениях. Но за спокойным бытописанием Корзухина скрываются глубокие размышления и обобщения, его произведения разоблачают ханжество религии в современном художнику обществе. В картине «Перед исповедью», особенно удачной, зритель видит группу ожидающих очереди исповедоваться. С каким равнодушием каждый из них готовится совершить обряд, ставший простой привычкой!

С большой симпатией Корзухин писал образы детей. Две его картины, посвященные детям — «Птичьи враги» (около 1887 г.) и «У краюшки хлеба» (1890 г.) — привлекают прежде всего обаянием и непосредственностью милых деревенских ребят.

Кроме многочисленных жанровых полотен, Корзухин создавал и портреты. Интересны портреты пожилой женщины, талантливого художника-передвижника М. И. Пескова и знаменитого путешественника Н. Н. Миклухс-Макла.

А. И. Корзухин. В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ. 1884 год.

Харьковский государственный музей изобразительного искусства.

А. И. Корзухин. ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ. 1877 год.

ПОДПИСЬ ПОД РИСУНКОМ

Ираклий АНДРОНИКОВ

Недавно пришлось побывать мне в Железноводске. Пить воды — дело, конечно, хорошее. Но куда интереснее оказались отлучки из санатория! Вместе с писателем С. П. Бабаевским, с которым в годы Отечественной войны мы служили в армейской газете — ныне он живет в городе Пятигорске, — поехали мы в Ставрополь, побывали в районах; показал он мне прославленные колхозные электростанции; впервые увидел я электрострижку овец знаменитой ставропольской породы; потом махнули в Черкесию... А ехать пришлось по той самой дороге, по которой когда-то все ездил и ездил Лермонтов, — с Кавказа и на Кавказ, из ссылки и в ссылку. И решил я тогда объехать все лермонтовские места на Кавказе. Ведь он путешествовал в тележке, давился с военным отрядом, ездил верхом... Долго ли на машине! Мне же по роду занятий моих — который год изучаю Лермонтова! — необходимо было в конце концов побывать во всех этих городках и станицах, повидать все, что довелось видеть ему.

Скажу сразу: спидометр показал около 15 тысяч километров. Я проехал по многим местам, где бывал Лермонтов, но во всех побывать не смог.

Из Пятигорска я отправился в Георгиевск, оттуда в Прохладный, Моздок, выехал на Терек. Через терские станицы Чераленую, Шелковскую, Старогладковскую, связанные с именами Грибоедова, Лермонтова и Льва Толстого, попал в Кизляр. Тут развернулся, взял направление на Грозный. Побывал на речке Валерик, где происходило сражение, описанное Лермонтовым в его удивительном стихотворении. объехал территорию Северной Осетии, Кабарды. Через Орджоникидзе по Военно-Грузинской дороге попал в Тбилиси; оттуда, перевалив Гомборы, поехал в Цинандали, в Царские колодцы — ныне это Цителцаройский район Грузии, — добрался до селения Караагач, где находилась квартира Нижегородского драгунского полка, в котором Лермонтов в 1837 году отбыл в ссылку. Потом переправился на пароме через Алазань и, оказавшись на территории Азербайджана, в Закаталах, покатыл к югу, по направлению к Нухе и Шемахе... Потому что в Кахетию Лермонтов мог попасть из Шемахи только по этой дороге. Шемаханской царицы из пушкинской сказки я не видел, но побывал в местах сказочных...

Ехал я не просто так — не для одного удовольствия. На коленях у меня лежали фотографии с картин и рисунков Лермонтова. Известно, что Лермонтов хорошо рисовал, обладал большими способностями к живописи. Сохранились его картины и рисунки — виды Кавказа, сделанные с натуры. Хранятся они в московских и ленинградских литературных музеях, но снабжены необычайно

РАЗВАЛИНЫ НА БЕРЕГУ АРАГВЫ В ГРУЗИИ.

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

унылыми этикетками: «Кавказский вид с арбой», «Кавказский вид с верблюдами»... Однако и без подписи ясно: если нарисованы скала, и арба на дороге, и горная река, то это «вид с арбой». А верблюды возле скалы и горы на горизонте представляют собой «вид с верблюдами». Но что именно изображено на этих рисунках и полотнах Лермонтова, где, в каких местах исполнены им эти работы, — ничего не известно. Поэтому я до боли в шее вперился в ветровое стекло машины, беспрепятственно вертел головой, озираясь по сторонам и сравнивая рисунки поэта с открывавшимися передо мною видами. Вдруг увижу изображенное Лермонтовым!

Мне везло. «Кавказский вид с арбой» обнаружился в Дарьяльском ущелье. «Кавказский вид с верблюдами» Лермонтов, как выяснилось, писал маслом с натуры в окрестностях селения Караагач. На других репродукциях оказались селение Сион, близ Казбека, замок Тамары в Дарьяльском ущелье, окрестности Мцхета, Тифлиса... Постепенно опознанных рисунков становилось все больше, неопознанных — меньше. И, наконец, остался один. Как назло, именно под этим рисунком имелась подпись. Правда, подпись сделана не лермонтовской рукой, но верить ей, казалось бы, можно: «Развалины на берегу Арагвы в Грузии» — обозначение достаточно точное.

Но сколько ни ездил я вдоль Арагвы — от того места, где она впервые соприкасается с Военно-Грузинской дорогой, до слияния ее с Курюю во Мцхете, — ничего похожего на лермонтовский рисунок не обнаружил. Лермонтов нарисовал глухое ущелье, поросшую лесом скалу. На вершине скалы — крепость с зубчатой стеной, по углам — башни с бойницами, за стеной — острый купол грузинской церкви. В середине рисунка река с двух сторон бурно оmyвает утес. Башня и скаля на другом берегу. Ущелье замыкает горный хребет. Готов поручиться: на Военно-Грузинской дороге нет похожего места!

Уже собрался писать, что этот вид Лермонтов набросал на память или, может быть, даже не имел в виду никакого определенного места... Но если сам не убежден в том, что пишешь, как можно уверять в этом других? Пришлось предпринять новую поездку по Военно-Грузинской дороге.

Из Тбилиси я выехал на рассвете. Неужели и на сей раз не удастся найти эти несчастные развалины? Куда они могли деться? Что за таинственное ущелье?

Остановился в Пассанаури. Прижатые прозрачным потоком Арагвы к подножию лесистых гор, толпятся возле дороги опрятные домики: это как раз полдороги от Тбилиси к Орджоникидзе.

День был воскресный. Я пошел

на колхозный базар, где продаются куры, мацони, грецкие орехи, чеснок, стопки душистого грузинского хлеба, и стал предлагать местным жителям фотографию с лермонтовского рисунка. Очень скоро я достиг значительных результатов: превратил базар в настоящий базар. Все перестали покупать, все перестали торговать. Фотография пошла ходить из рук в руки. Послышались советы: надо ехать в Анаури, обратно, километров за двадцать. Там и церковь, и крепость, и тоже Арагвы течет...

Я только что миновал Анаури и сам догадался, конечно, еще раз осмотреть Анаурский собор.

Я сказал им об этом. Мне возразили: не так хорошо посмотрел, как надо, у молодых глаза зоркие, если посмотрят, покажут.

Я пригласил в машину трех юношей, порывистых и молчаливых. Поехали мы в Анаури, со всех сторон обошли знаменитую крепость. Воздвигнутая на пологой горе, она господствует над окружающей местностью. Река течет здесь спокойнее; зеленые склоны гор, прикрытые одеялами посевов и пашен, расступаются, образуя долину. Ни утесов, ни скал... Словом, проводники мои убедились, что на рисунке и точно не Анаури.

В Пассанаури я с ними расстался.

Отсюда с каждым поворотом дороги окрестность резко меняет-

ся. Все сильнее шумит река. Прохладнее и словно легче становится воздух. Пасмурно. Лесистые склоны кончились. За близкими зеленеющими горами поднимаются строгие сине-лиловые горы; в углублениях и складках их гранитных вершин отливают атласом снега. Нельзя оторваться! Много удивительных мест на Кавказе, но Военно-Грузинскую дорогу словно смонтировал великий художник. Она, как лента, в которой нет повторений, нет лишнего; вся она — чередование контрастов.

У подножия Гуд-горы, в Кайшаурской долине, расположено селение Квешеты. Прежде это было знаменитое место: здесь находилась резиденция начальника горских народов и почтовая станция. Здесь ночевали те, кто совершил переезд через Крестовую гору, и те, кто, едучи с юга на север, готовился его совершить. Тут ночевал Грибоедов. Тут родились великие строки Пушкина:

На холмах Грузии лежит
ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною...

В этом месте стоял духан, упомянутый Лермонтовым на первой странице «Героя нашего времени». Вот тут, за духаном, поднимаясь на Кайшаурскую гору, автор путевых записок, передавший нам историю Бэлы, познакомился с Максимом Максимычем...

С тех пор много воды унесла шумящая Арагва. На месте духана выстроен сельский промаг. По случаю воскресного дня возле него было весьма оживленно. Только лошади, оседланные и с перекидными козовыми мешками — хурджинами, лениво дремали у изгороди.

Я вылез из машины и стал предъяснять толпившимся возле

уже сто лет назад с лишним. Может быть, когда Лермонтов ездил к истоку реки, церковь и крепость стояли, а за это время упали и потому одни камни лежат?

В ответ, смеясь, зашумели:

— Камнями угостить его хочет! Не за этим приехал. А если камнями интересуется, зачем ему так далеко ехать? Старая башня и там вон упала, в ущелье, и там, на горе. Туда пусть пойдут...

— Меня лучше послушайте, — сказала, обращаясь ко мне, колхозница. — Я вам хорошо посоветовала. Как сказала, туда поезжайте...

Я не мог сразу воспользоваться этим советом. Было уже часа два, а лошадь и проводника достать не так просто. Поездку к верховьям Арагвы пришлось отложить, а тем временем я решил пройти по старой Военно-Грузинской дороге, которая прежде шла от Квешеты на Кайшаури и дальше к Крестовой — совсем не так, как сейчас. В 60-х годах прошлого века дорогу по берегу Арагвы продлили до селения Млета, взорвали там могучие скалы и, минуя станцию Кайшаури, проложили удобный зигзагообразный подъем, который сравнивают чаще всего с серпантинном. А прежнюю трассу Квешеты — Кайшаури — Крестовая, которая шла на Гуд-гору без всяких зигзагов, подымая путешественника на протяжении трех верст на высоту целой версты, с тех пор забросили. А между тем по ней-то и ездил прежде. Именно эта часть дороги описана в «Герое нашего времени».

Машине не взять уклон в тридцать пять градусов. Мы решили с шофером: он поедет обычным путем и будет ждать меня под Крестовой. А я, сократив расстояние вдвое, по старой дороге приду туда к вечеру.

кая, спрашивали дети, когда я, добравшись до берега, чистил костюм. — Хорошо будет, если еще раз пройдете.

За рекою — селение. Сразу за ним подъем, подобно карнизу, огибающий гору, иссеченный промоинами, прижатый к пропасти осыпями мелких камней. Он идет, разворачиваясь, над излучиной Арагвы, и Арагва уходит все ниже... Мы вышли на обрывистое плато. Изумрудно-зеленое, оно поросло кудрявым кустарником. И горы, кажется, придвинуты так близко к этой площадке, что еще бы немного — и их можно коснуться рукой. На самом деле горы с обеих сторон отделены от этого зеленого плоскогорья долинами. К склонам величаво-пустынных гор прилепились селения, и в каждом — древняя четырехугольная башня. Сурово. А туда, в сторону Тбилиси! Прячась порою в кулисах лесистых склонов, сверкает Арагва и пропадает в напорной солнцем дымной дали. Понятно, почему в «Герое нашего времени» Лермонтов описал именно эти места.

Мы шли, беседуя о том, кем они, дети, собираются стать, когда вырастут, какие у них отметки, кому из них девять, десять, одиннадцать... И вот уже входим в селение.

— Пожалеем, — сказали дети, — чтобы вам хорошо было. А мы уже дома.

— Дети, — сказал я с некоторым удивлением. — А как же я буду без вас?..

— Дорогу укажем, так и пойдете.

— Дети, — спросил я снова, — а как же собаки?

— Вы же ничего не хотите взять, — отвечали мне дети, — зачем вам опасаться собак?

— Да, но собаки не могут знать, что я ничего не возьму.

И дети сказали:

— Тогда, наверно, собаки возьмут вас.

Я отказался путешествовать один и просил найти мне проводника. Отвечали, что проводника нет, никто не идет в Кайшаури. Я согласен был ждать до утра. Наконец сказали, что есть проводник: он обедает, освободится через сорок минут.

Я ждал. Наконец вышел мой спутник, с мешком на плече, девяти лет отроду, и назвался Арчилом. Он шел в селение Сетури.

— Арчил, — сказал я, — дай я понесу твой мешок. Мне не трудно, а тебе будет легче идти.

— Спасибо, — отвечал он, — но это не надо. Поручение имею доставить лук, и, если вы понесете, скажу, что не выполнил поручения.

— Арчил, — спросил я, — а как ты относишься к собакам?

— Никак, — отвечал он, — я еще маленький.

— А как же мне относиться?

— Не беспокойтесь, — отвечал он, — они сами к вам отнесутся.

Я поплелся за ним, почти потеряв интерес к этой высокогорной прогулке.

Вдруг увидел я в стороне группу молодых колхозников, которые о чем-то живо беседовали. Я поклонился. Один из них вышел ко мне на дорогу и поинтересовался, почему без пальто и без шляпы, с одной тростью в руках я путешествую по этим местам, не заблудился ли, не нуждаюсь ли в помощи.

Я ответил, что по этим местам путешествовали в прошлом столетии Грибоедов, Пушкин и Лермонтов, что, занимаясь историей русской литературы и этой эпохой, я, как историк и критик — я не стал говорить «литературовед», — счел долгом своим повторить их маршруты.

И вместо одобрения услышал:

— Да, к сожалению, наша критика еще очень отстает от литературы и жизни. Давно бы надо было придти... Хорошо, — продолжал он, — что трость захватили с собой, она вам поможет...

И он стал отбиваться дубиной от желто-белых чудовищ. Мохнатые, короткотелые, с обрезанными ушами, с черными, словно сажей намазанными физиономиями, с мелкими, как у щук, зубами, с кривыми, как ятаганы, клыками, они хрипели, кидались, метались, в глотках их klokотало; оскорбительно было слышать этот сиплый, надрывный лай!

Наконец новый знакомец отбился от них и сказал:

— Должен расстаться с вами: в правление колхоза иду.

Я снова зашагал за Арчилом.

Завидев Кайшаури — цель недавних моих вождений, но предвидя новые встречи с овчарками, я решил внести на обсуждение проект:

— Зачем нам идти в Кайшаури, — сказал я Арчилу, — обойдем его стороною, подышим воздухом. Что мы там потеряли?

— В горах живем, неужели вам нашего воздуха не хватает? — резонно спросил Арчил. — А, кроме того, я никогда не прячусь и всегда хожу по дороге.

Мы вошли в Кайшаури. Стоит машина совершенно такого же цвета, как и та, в которой я приехал в Квешеты. Около машины тот же самый шофер...

— Я не стал ожидать у Крестовой, — заговорил он, отделяясь от машины и степенно выходя мне навстречу. — Узнал, что дорога плохая, но все же можно проехать, и прибыл сюда. А пока здесь стою, выяснил: вот в этом доме сто пятнадцать лет назад ночевал Лермонтов. Чайник у него с собой был, воду разогрел, пил чай, беседовал с товарищем. Это никто пока не знает, я первый открыл; так напишите в вашей книге.

продмага людям фотографию лермонтовского рисунка. Послышались голоса, что надо поехать в Анаури, что в этих местах нет похожей церкви и крепости.

Но тут молодая колхозница по имени Русудан выдвинулась вперед и сказала:

— Покажите поближе то, что издали видела...

Я передал ей фотографию.

Взглянув, она посоветовала:

— Возьмите хорошую лошадь и отправляйтесь к верховьям Арагвы. Там в осетинском ущелье Гуда найдете, что ищете.

Другие ей возразили:

— Зачем ему садиться на лошадь: тучный человек — не привык ездить. И куда ты хочешь послать его, нет ни церкви, ни крепости — давно все упало, одни камни лежат. Что там увидит?

— Хорошо помню, еще в школе учила, — ответила молодая женщина, — что Лермонтов, когда почтил Пушкина стихотворением, к нам прибыл и погостил у нас

Когда машина ушла и, выражаясь лермонтовским слогом, пыль змеею завилась по гладкой дороге, я стал искать попутчиков на Кайшаури. Откликнулись дети: они идут, они покажут дорогу...

За углом продмага, внизу, в глубоком ложе кипела и стремительно улетаала Арагва. Вместо моста через нее перекинуто бревно необычайной длины. Сбоку ни перил, ни веревки...

Постукивая по бревну тростью, стараясь не смотреть вниз, опасаясь зажмуриться, потеряв интерес к окрестностям, одеревенелый, ступал я, и шумела Арагва подо мной. В середине произошла остановка.

— Не туда помещаете ногу, — беспокоились дети, перебежавшие уже на тот берег. — Посмотрите, куда собрались пойти!

Тогда я лег на бревно и, зажмурившись, пополз, как под огнем.

— Может быть, забыли что-нибудь купить в магазине? — фыр-

Спасибо Арчилу! В хорошее положение попал бы я, если бы обошел стороною это селение, оставив шофера с машиной в тылу!

Простились мы тут с милым моим провожатым и поехали за Крестовый перевал, где надо было еще уточнить подписи к уже разгаданным лермонтовским рисункам. А что означает подпись: «Развалины на берегу Арагвы», — так и осталось невыясненным.

Пришлось предпринять новую экспедицию в эти места. Приехали мы через несколько дней в Кумлисице — селение на склоне Гуд-горы, на Военно-Грузинской дороге, вошли в дом, где разместилось правление колхоза. Оно как раз заседало: решался вопрос о перегоне баранов на зимние пастбища в Кизлярскую степь. Шофер мой, весьма увлеченный опознанием лермонтовских картинок, сказал председателю:

— Как погнать баранов на зимние пастбища, это потом решите. Каждый год посылаете... А вот тут есть неотложный научный вопрос: ваши это места или не ваши? — спросил он, предъявляя рисунок и начиная сердиться: — Кто-то должен принять ответственность? Написано: «Арагви». Ездим-ездим — нет желающих. Свои места должны знать? Хорошо посмотрите!

Наверно, первый раз в истории литературной науки вопрос решался в такой обстановке. Члены правления рассмотрели рисунок, обменялись мнениями, и председатель сказал:

— Если ищите крепость и церковь, как здесь нарисовано, нет у нас. Если место хотите видеть такое, Нико пойдет, который ночью кооператив сторожит, и покажет. Это выше колхоза Ганиси.

Взяв с собой сторожа, поехали мы, петляя то влево, то вправо, все выше и выше и добрались почти до Крестовой. Там, где в склоне горы образуется зеленая впадина, носящая наименование «Чертова долина», где лежат обломки гранитных скал, по преданию набросанные здесь из ревности разгневанным духом Гуда, полюбившим красавицу, жившую в этих местах, мы остановились и закрыли машину. Тропинка повела нас в расщелину между скалами, и по этой тропинке мы бросились бежать на дно двухверстной пропасти.

...И пастырь нисходит
к веселым долинам.
Где мчится Арагва
в тенистых брегах...

Как серебряный ручей с нарисованными волнами, мчится на дне этой пропасти, вернее, хранит вид движения, бесшумная, неподвижная Арагва; безлюдными кажутся крохотные макеты селений. Под ногами крутая тропа, справа скалистая стена, слева пусто, словно идешь в воздухе по крылу самолета.

Упираясь ногами в тропу, отдуваясь, откинувшись всем телом назад, работая на бегу локтями, мы сбежали наконец в слышимый мир, на каменистое русло пенной, шумной Арагвы, к малоллюдным осетинским селениям, обведенным оградами из плоских камней.

Впереди, у самой Арагвы, на том берегу — гора. Нет, не гора. Огромная глыба словно скатилась откуда-то к самой воде, легла здесь и поросла густой рощей. Осенняя расцветка листвы — ро-

зовая, ржавая, рыжая, желтая, золотая, багряная — так богата тонами, что кажется, гору покрыли богатым цветистым ковром. И это особенно удивительно, потому что ущелье безлесно.

Форма горы отчасти напоминает колпак, каким покрывают домашний чайник, скаты крутые, а гребень длинный и узкий. На гребне развалины крепости. Полезли наверх по обратному скату горы; он крут, но порос зеленой травой и опутан овечьими тропами; они тянутся одна над другой,

как узенькие террасы в несколько сантиметров ширины. Но, хватаясь за землю руками, можно боком взобраться по ним.

Наверху осыпь камней, остатки крепостной стены, основания башен, развалины церкви, ступени разрушенной лестницы, выходящей на этот зеленый склон. Стоит часовня без крыши, сложенная без раствора из плоского шифера и кое-где хранящая следы обмазки.

День ясный. На солнце греются змеи и с шорохом ускользают, слышав шаги.

Отсюда тропинка ведет вниз, к селению Хатис-Совпели. Это несколько домиков с плоскими кровлями.

Мы спустились и вышли на русло Арагвы. Когда же отошли вниз по течению примерно полкилометра и взглянули назад... Это самое! Гора, покрытая рощей, повороты ущелья, селение на другом берегу, те же контуры дальних вершин... У Лермонтова на рисунке, если хорошенько взглянуть, видно: часть башни уже обрушилась... А теперь все разрушилось до самого основания.

Отошли от этого места. Проводник указывает на отверстие в отвесной скале:

— Это пещера, где привязан несчастный Амирани, — говорит он. — Рассказывали, будто бога обидел и бог его наказал. Не может порвать цепь и потому стонет Амирани. Между прочим, что рассказывают о Прометее, — это наша легенда. Но очень известная. И уже забывают, кто рассказал первый... Думают, сами.

Амирани стонет в пещере! Конечно, Лермонтову была известна

эта легенда. Помните, в «Демоне»: путнику, который слышит рыдания Тамары, кажется:

...«То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

Наверно, Лермонтов здесь и услышал эту легенду.

Дальше пошли. На гребне горы часовня. Интересно, что за часовня.

— Иконы раньше там были, — отвечает сторож Нико. — Говорили, надо молиться в этой часовне, чтобы не пострадать от лезгин. Кто помолится, в бою победит. Все это выдумки, пережитки, идеалистическая точка зрения... Старые люди не знали хорошо и сказали эту легенду...

...Но ведь и Лермонтову она была, очевидно, известна. Жених Тамары, «властитель Синодала», спешит на брачный пир; он пренебрегает обычаям прадедов, не помолился в часовне — и убит в ночной стычке!

И вдруг все стало ясно: эти места и описал Лермонтов в «Демоне», оживил эти древние развалины, населил их людьми, превратил в замок Гудала. Здесь живет его Тамара. Сюда прилетает Демон навевать сны на ее «шелковые ресницы». А в конце — в эпилоге — он снова описал этот замок, но уже заброшенный, опустелый, напоминающий о прежних днях, о том, что волновало в поэме:

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник

безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут звеня издалека.
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок,
отслуживший
Года во очередь свою.
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
...Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

...Вернулся я в Тбилиси. Интересно: где же мне довелось побывать? Что я видел?

Постучался к историку. Повидался с этнографом. Посоветовался с искусствоведами, с археологом, с башневедом — есть и такая редкая специальность! Стал рассматривать старые карты. На рукописной карте Грузии, составленной в 1735 году историком и географом Вахушти Батонишвили, увидел я кружок с крестом на том месте, где побывал, и подпись: «Монастырь всех святых».

Открываю «Географию Грузии» того же Вахушти, читаю: «Выше (то есть у истоков Арагвы) есть монастырь «Всех святых», ныне уже упраздненный».

Упраздненный уже в первой половине XVIII века?..

Значит, Лермонтов изобразил средневековую крепость! И рисунок неожиданно приобрел новое содержание. Это исторический документ, изображение памятника, более не существующего. Не удивительно, если репродукция этого лермонтовского рисунка появится в истории грузинской архитектуры, в путеводителе по окрестностям Военно-Грузинской дороги...

Но главное все же не в этом. Главное в том, что рисунок дополняет наши представления о работе поэта. Оказывается, он — иллюстрация к «Демону», возникшая еще до того, как поэма была написана. Можно считать доказанным: рисунки Лермонтова не развлечение странствующего офицера, не занятие от нечего делать. Это род записных книжек поэта, часть его вдохновенной и упорной работы. В нем отразилась культура работы Лермонтова, многообразие его талантов.

Рисунок помогает понять нам творческую историю «Демона», подтверждает, что Лермонтов слышал в ущелье Арагвы народные предания и легенды, что он положил в основу своей поэмы произведения грузинской народной поэзии.

В поэме и в этих рисунках отразилось отношение поэта к народу, в ту пору неравноправному, угнетенному; в самом факте создания их сказало то великое чувство дружбы, которое вызывает в нас чувство гордости.

Вот о чем размышляешь, рассматривая этот рисунок. А подпись? Подпись останется прежняя. Только за ней мы угадываем теперь более глубокое содержание, чем прежде.

Енисей - голубая дорога

Е. РЯБЧИКОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

IV

Фото автора.

По ленинским местам

Какое бы судно ни проходило мимо Шушенского, оно непременно салютует ленинским местам. Капитан Зыков проводит «Туркменистан» мимо песчаных, густо поросших тальником островов и направляет судно к правому берегу. Белеют сигнальные мачты и щелевые створы около шушенских перекатов. На бурной волне теплоход разворачивается, и старпом Гриценко приказывает отдать якоря. Теплоход застывает под глинистым яром, около побеленного дома старшего бакенщика.

От блокпоста до Шушенского не более полутора километров. Стоит пройти по заливным лугам, пересечь рощицу и тихую речушку Шушь — и вот Шушенское. По праздничному одетая команда сходит с корабля. День светел и чист. Над рекой стынют серебристые облака. За островами, на противоположной стороне, отражается в зеркальном Енисее большое село Кирова. Синеют на горизонте Саяны, и куда ни посмотри, разливаются золотые хлеба.

Рулевой Леня Лучников, судово-вой поэт и художник, фотографирует для стенной газеты «Туркменистана» живописные места.

— Здесь был Ленин... — говорит он друзьям-комсомольцам. — Читал я: Владимир Ильич любил ходить сюда, к Енисею, бывал он и на этих островах.

Гости Шушенского спешат посе-

тить историческую избу, принадлежавшую крестьянину Зырянову. Вместе с пионерами, приехавшими в Шушенское, матросы входят в нее, осматривают деревянную

Дом-музей В. И. Ленина на углу Почтовой и Ленинской улиц.

кровать, стол и простые стулья; здесь жил Ленин.

...Матросы и пионеры только что видели в музее фотографии, с которых глядело на них старое село — грязное, пустынное, с унылыми избами над Шушью. А теперь предстает перед ними новое Шушенское: большой районный центр, с садами, асфальтированными дорогами, красивыми белокаменными зданиями. Бегут по улицам легковые автомобили и колхозные грузовики, едут велосипедисты.

Город раскрывается сразу, бы-

стро, возникая перед экскурсантами то Домом Советов с белой резной балюстрадой, то двухэтажной светлой гостиницей с мансардой, то школами, Домом культуры, спортивными площадками, зданием сельскохозяйственного техникума.

Вереница «Побед» и грузовиков устремляется к Дому культуры: комбайнеры собираются на обще-

На четырехстах гектарах раскинулся заповедник имени В. И. Ленина. Шумят вдоль дороги сосны, трепещут на ветру березы. От болотцев веет сыростью; с синих озер пролетают непуганые птицы.

А вот и Песчаная горка. Покинув машину и взявшись за руки, пионеры поднимаются на голую, отливающую золотистым песком горку. Они добираются до ее открытой вершины и застывают на месте... Какая ширь! Какой зеленый и голубой простор вокруг! Будто легкой акварельной краской прорисованы на горизонте Саяны, чуть сверкает в зеленях Енисей. Внизу алеют кирпичные стены возводимого молочноконсервного завода. Лоснится на солнце черный асфальт автомобильных трасс, тянется на сотни километров через Саяны в Туву магистраль, и доносится ровное гудение машин; уходят вдаль высоковольтные электрические передачи, телефонные линии.

На Песчаной горке бывал Ленин. Подолгу стоял он на вершине, смотрел на Саяны, Енисей, крестьянские поля. Как не похоже все, что открывается сейчас с Песчаной горки, на то, что видел здесь Владимир Ильич!

...Шушенское позади. Справа по борту показываются строения минусинского пригородного совхоза с его полями, садочками, теплицами и животноводческими фермами.

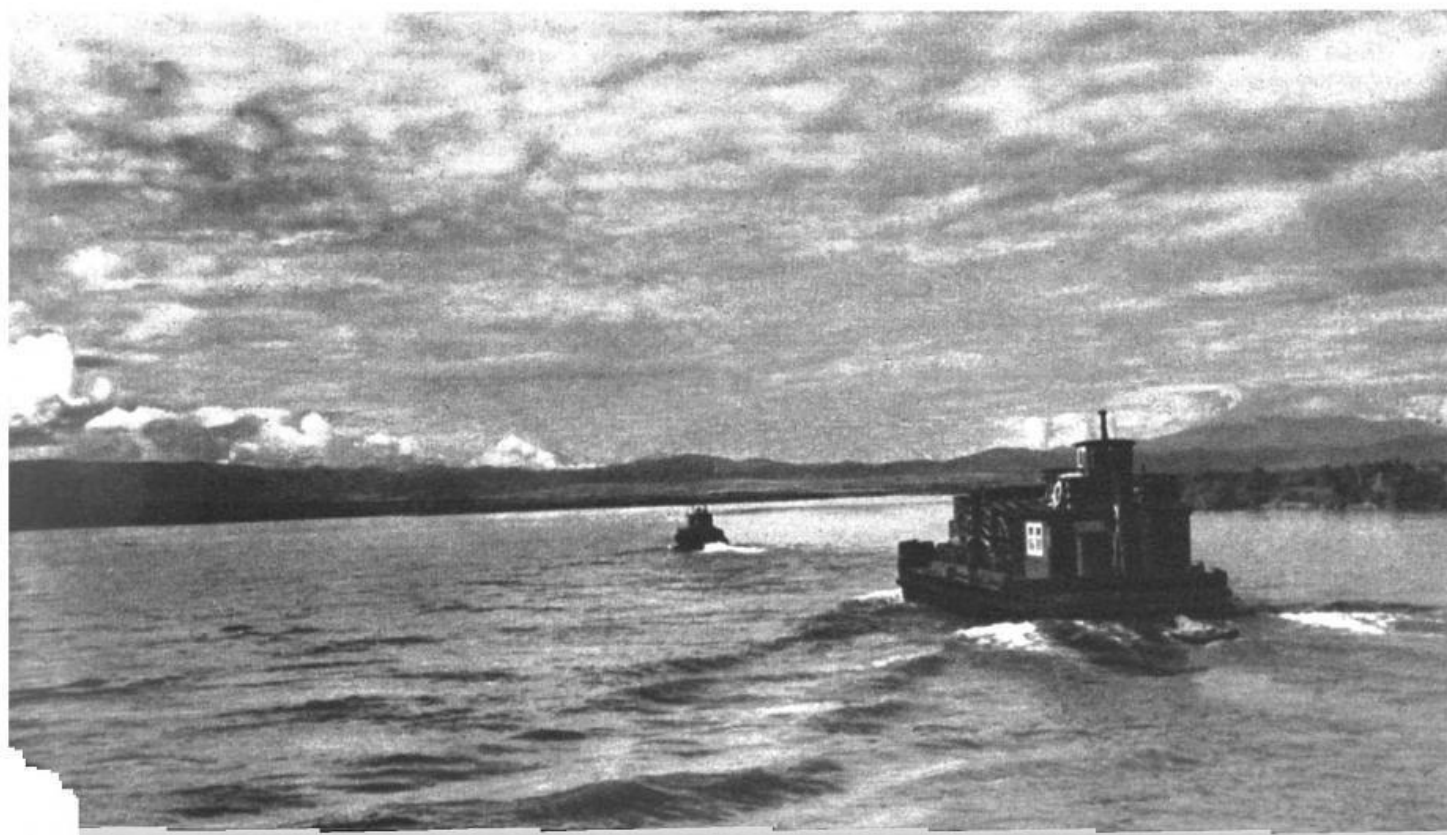
В Минусинском порту, от которого начинается регулярное судоходство по великой реке Сибири, дымит рейсовый пассажирский пароход. Буксировщик, едва выгребая против течения, тянет длинный плот. Краны и транспортеры выгружают из барж каменный уголь. С речного вокзала доносится музыка. Большой город встречает гудками, шумом набережных и улиц.

В Минусинске

Минусинск — город зелени. Разрослись его сады, появился тенистый парк, красавцы-тополи горделиво стоят на набережной, и белый их пух застилает весной беседки и скамьи. Минусинск славится замечательным музеем, историческими местами; сохраняются тут дома, в которых жил Ленин, где в годы гражданской войны находился штаб «Минусинской советской республики», провозглашенной сибирскими партизанами, которые стойко отражали удары интервентов и белогвардейских банд.

Но Минусинск не тихий музейный город. Если собрать все характеристики, которые дают ему многочисленные туристы, то получилась бы довольно пестрая и любопытная смесь.

По Енисею...

Улица в Минусинске.

«Город хлеба», — записывают одни. «Город арбузов», — отмечают вторые. «Город садов», — утверждают третьи. «Город памятных мест», «Город школ, город автомобилей», — заявляют другие.

И все это верно! Минусинский район и тяготеющие к нему южные районы Красноярского края слышат крупными производителями хлеба в Сибири. К осени окрест все приобретает золотистый отсвет спелой пшеницы. В то же время и город, и дороги, и бабки зеленеют полосатыми арбузами, а на зубках у многих хрусткие, сочные яблоки. Здешние мичуринцы опрокинули бывшие утверждения, что-де приенисейская земля не создана для садов.

Минусинск — «автомобильные ворота» в Туву, тут сосредоточена армия машин и армия водителей. Зимой и летом, днем и ночью уходят машины через город в Саяны. Здесь же базируются сотни грузовиков, обслуживающих совхозы южных районов Красноярского края и целинные земли Хакасии.

В автобусах, уходящих в Саяны, в кабинках грузовиков всегда увидишь туристов в широкополых войлочных шляпах, с рюкзаками за плечами и резными палочками в руках. Всех их интересует Минусинск. Познакомившись с ним, они

обычно уезжают в столицу Хакаской автономной области — город Абакан.

Этому городу всего 24 года. Здесь впервые на тысячекilометровом пути от истока Енисея слышишь гудок паровоза. Абакан — узел железных, автомобильных, водных и воздушных дорог. Общее впечатление от него — сплошная новостройка. Строят дома и школы, возводят целые кварталы, прокладывают улицы. Строят, строят и строят!..

Было время, когда каменный уголь привозили в Красноярский край из Черемховского бассейна, с берегов Ангары. Теперь угольные шахты Хакасии сами дают «черное золото». Недалеко от Абакана вырос шахтерский город Черногорск. Это был лишь небольшой рабочий поселок, а сейчас город с десятью школами, горным техникумом, садами, железнодорожным вокзалом и автомобильной междугородней станцией. Потоки угля движутся от черногорских шахт к Енисею, в порт Подкунино. Пассажирские суда, идущие из Минусинска, делают в Подкунине первую остановку для бункеровки углем.

Пещеры, скалы...

— Скоро Бирюсинские пещеры, — объявляет пароходный радист.

Небольшая бурливая речка Бирюсы, будто усыпанная серебром и зеленой хвоей, певуче шумит среди камней левобережья. Гористые берега ее увенчаны лиственницами, березами и кедрами. С весны и всю летнюю пору гонят с верховьев Бирюсы строевой лес, вьжут его в плоты и сплавляют от устья вниз по Енисею.

За нежно-певучей Бирюсой с ее лилиями и ромашками на зеленых берегах начинается необычайный, пещерный город.

Туристы, обладающие изрядной силой и ловкостью, проходят к пещерам от устья Бирюсы по скалам, но можно выйти к ним и прямо с Енисея. Капитаны туристских катеров после сложных маневров подводят суденышки к камням, матросы кладут с палуб гибкие трапы, и по ним сходят путешественники. Цепляясь за выступы камней, за щели, туристы добираются до ближайшей пещеры. Холодом веет из нее, густой мрак скрывает огромный каменный зал.

В пещерном городе около шестидесяти зал-пещер, созданных тысячелетней работой воды, ветра и солнца в известняках.

...В горах Енисей обретает бурную стремительность. Одолевая поток, идут грузовые и пассажир-

ские пароходы, а вниз по течению бегут нарядные катеры, моторные лодки и тянутся плоты. И вот начинается государственный заповедник «Столбы». В горах, среди тайги, вздымаются к небу причудливой формы розовато-коричневые скалы. Не оторвешь от них взгляда — чудесным резцом создала природа из каменных глыб то голову старца, то замок, то фантастическое животное. Камни, покрытые темной чешуей лишайников и мхов, с чуть приметными трещинами, карнизиками, щелями и лазами так и влекут к себе. Давно они стали любимыми местами красноярцев. Члены спор-

тивного общества «Беркут», так называемые столбисты, с большим увлечением занимаются восхождением на скалы в тайге.

Со «Столбов» открывается такая даль, что так бы и стоял на них от восхода до заката солнца, так бы и смотрел неотрывно и на меняющиеся тона и краски тайги, на дымящийся утренними туманами могучий Енисей. Слышишь, как воркует горлинка, как пускает трели козодой, ловишь посвисты совки и песню красношейки — сибирского соловья. А фоном для всех этих песен служат мерный и глухой рокот тайги, тяжкие вздохи ветра в глыбах, далекое журчание речек Базанхи, Калтаты, Моховой.

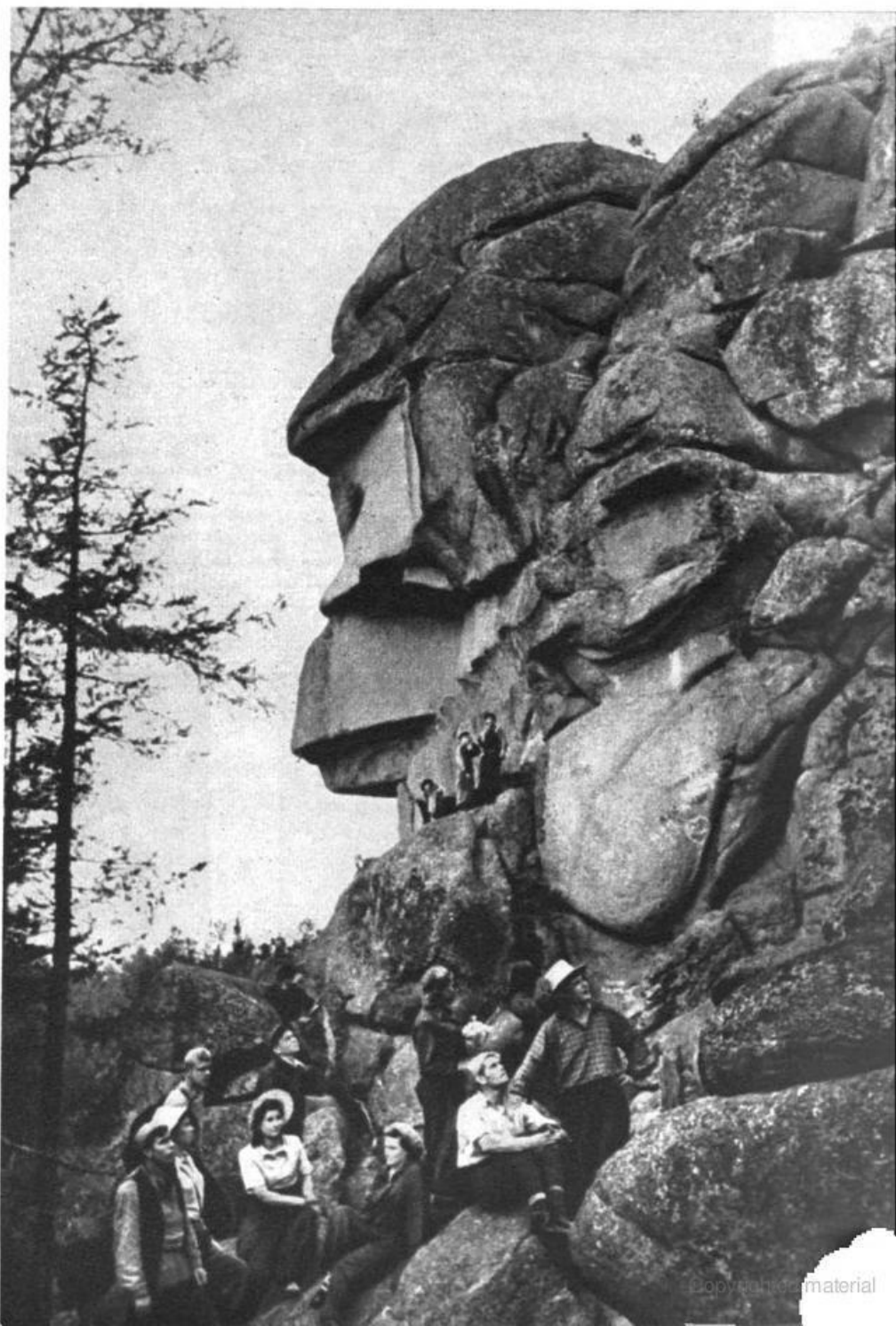
Мирно живут в заповеднике непуганые звери и птицы. В этом чудесном уголке словно погружаешься в первозданную тишину.

На заре тянутся от «Столбов» вереницы туристов — идут они вниз по Каштаку, переходят вброд речку Калтату, спускаются широкими логами к Базанхе, и перед ними открывается мост, легко перекинувшийся через полноводный Енисей, видны остроконечная Карaulьная сопка, фиолетовые Дрокинские высоты и раскинувшийся на обоих берегах реки большой сибирский город — краевой центр Красноярск.

Красноярские «Столбы». Скала «Дед».
Фото С. Косырева.

Бирюсинские пещеры.

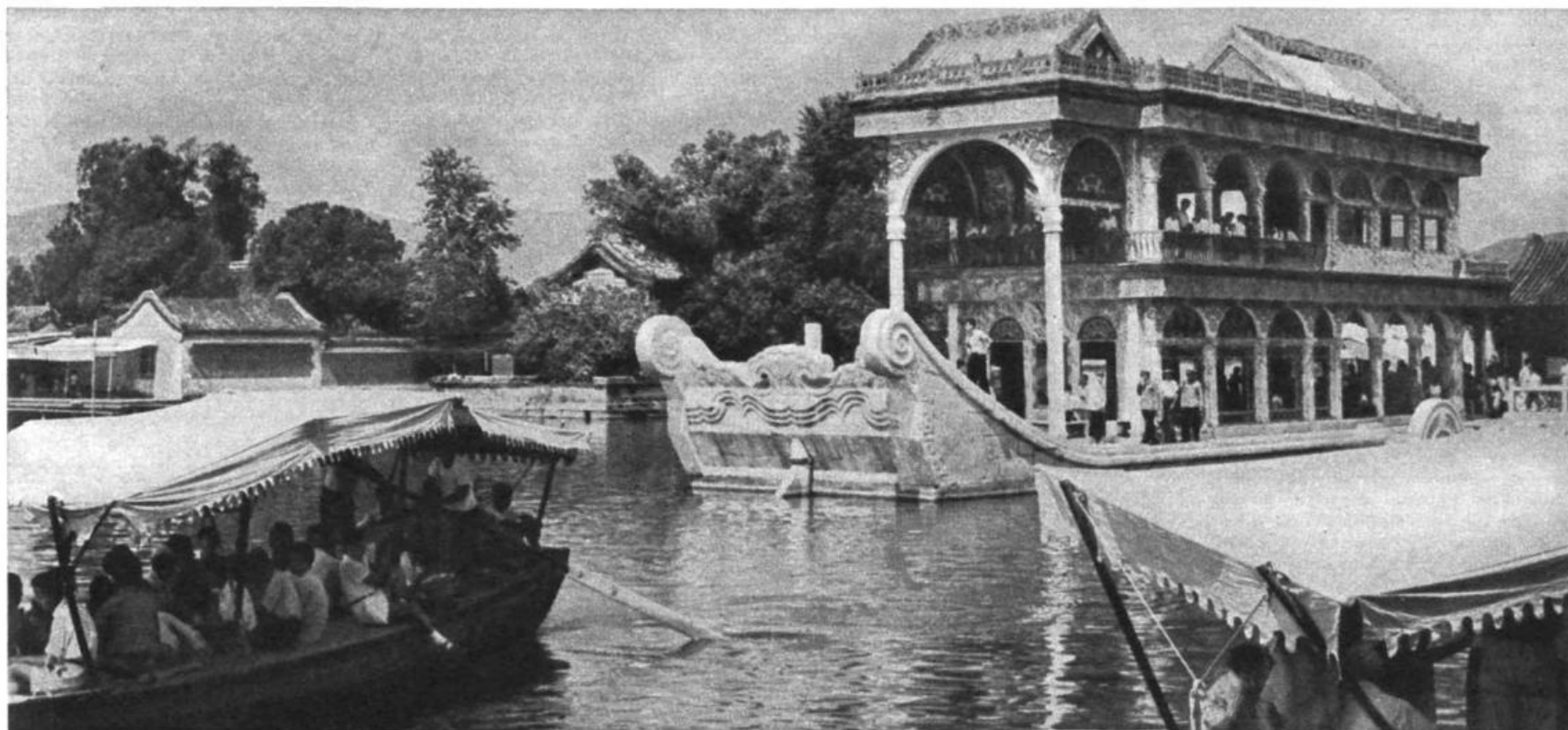
ПЕКИН ОТДЫХАЕТ

Г. БОРОВИК, ДМ. БАЛЬТЕРМАНЦ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Думали ли китайские императоры, проводившие жаркое время года в этом великолепном дворце, что их летняя резиденция станет самым популярным местом отдыха трудящихся Пекина? Наверно, не думали. Но

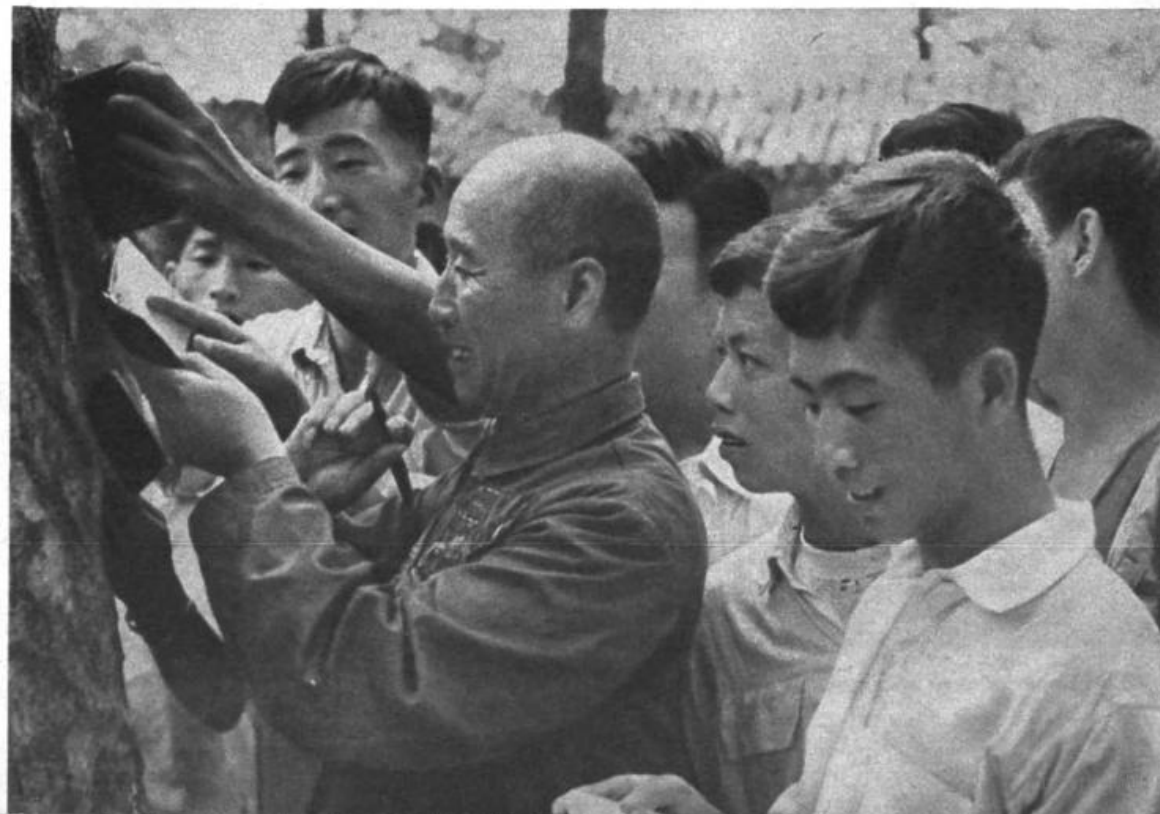
эта недалёковидность императоров отнюдь не смущает веселых, жизнерадостных пекинцев, проводящих здесь часы отдыха. Ежедневно сюда на автобусах, легковых машинах, велосипедах приезжают в среднем семь тысяч человек, а в воскресенье — значительно больше.

Мрачные, злобные львы, сидящие на своих постаментах не первую сотню лет, превратились в ручных зверей. Лбы их до блеска отполированы ладонями любителей фотографироваться.

Огромное искусственное озеро Кунминху было создано по приказу императрицы Цы Си на средства, предназначавшиеся для строительства морского флота. Тогда был построен только один «корабль», да и тот каменный. Теперь на нем лодочная станция. Лодок очень много, но желающих кататься, конечно, еще больше.

Известный всей стране образцовый рабочий Китайской Народной Республики пятидесятилетний Мын Тай приехал в Пекин из Аньшаня, где он работает на металлургическом комбинате. В воскресенье он зашел в один из многочисленных парков столицы. Но отдохнуть ему здесь не придется — это совершенно ясно: слишком много здесь жаждущих автографа...

Каждый использует этот день по своему усмотрению. Юные любители книг предпочитают всем другим развлечениям забраться в детский книжный магазин и хозяйничать за прилавками, просматривая новинки.

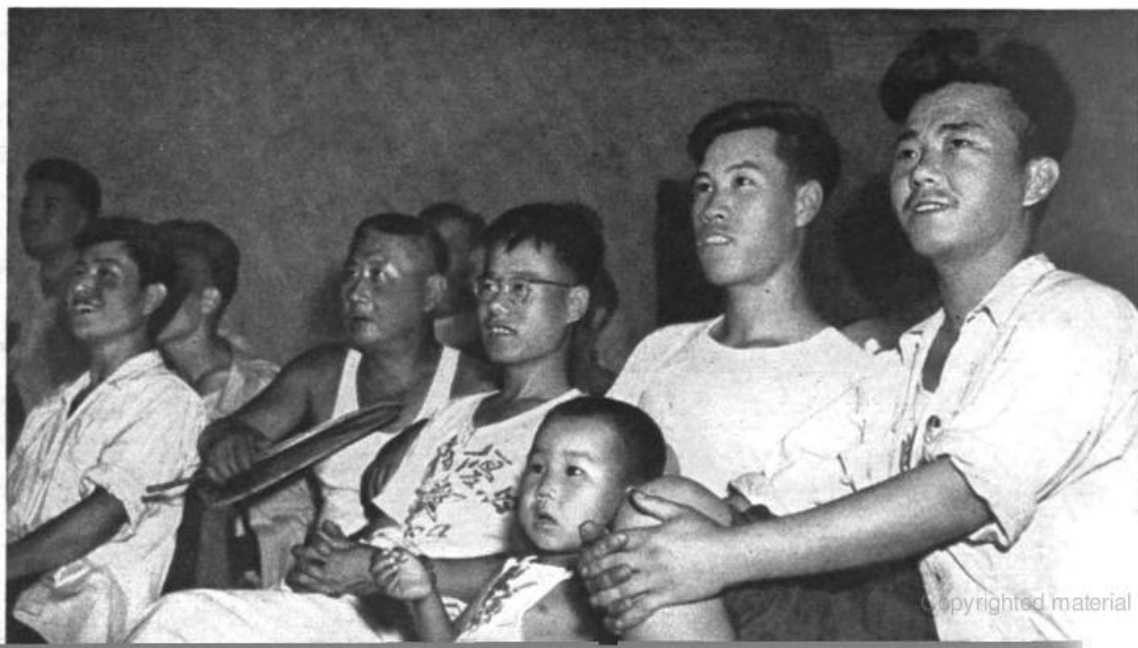
Спадет жара; наступают сумерки; зажигаются огни на улицах; ярко освещены витрины магазинов, заполненных товарами. Для студента Народного университета Ен Ю-чже воскресный день заканчивается одним из самых приятных событий — покупкой подарка для сына. Ен Ю-чже совсем недавно стал отцом и потому чувствует себя не совсем уверенно в детском отделении крупнейшего в Пекине государственного универмага.

Вечер не останавливает любителей спорта. При электрическом освещении мяч так же точно летит в корзину, как и при солнечном.

Переполнен зрительный зал недавно построенного клуба Пекинской народной типографии. Идет концерт. Выступают участники художественной самодеятельности и их шефы — артисты.

Близится полночь. Опустели улицы, закрылись парки, спортплощадки, клубы, читальни. Кончился день отдыха. Завтра начнутся трудовые будни столицы великой страны.

В ГОСТЯХ У С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

Чудесный вид открывается взору с горы, где стоит маленький домик. Здесь, в Алуште, живет старейший писатель советской страны академик Сергей Николаевич Сергеев-Ценский.

Это море и эти горы много раз воспеты в произведениях писателя. За стеклами веранды, обращенной к морским далям, разрослись кипарисы, посаженные еще в те далекие годы, когда Сергей Николаевич впервые поселился в Крыму. Вокруг дачи виноградник, фруктовые деревья.

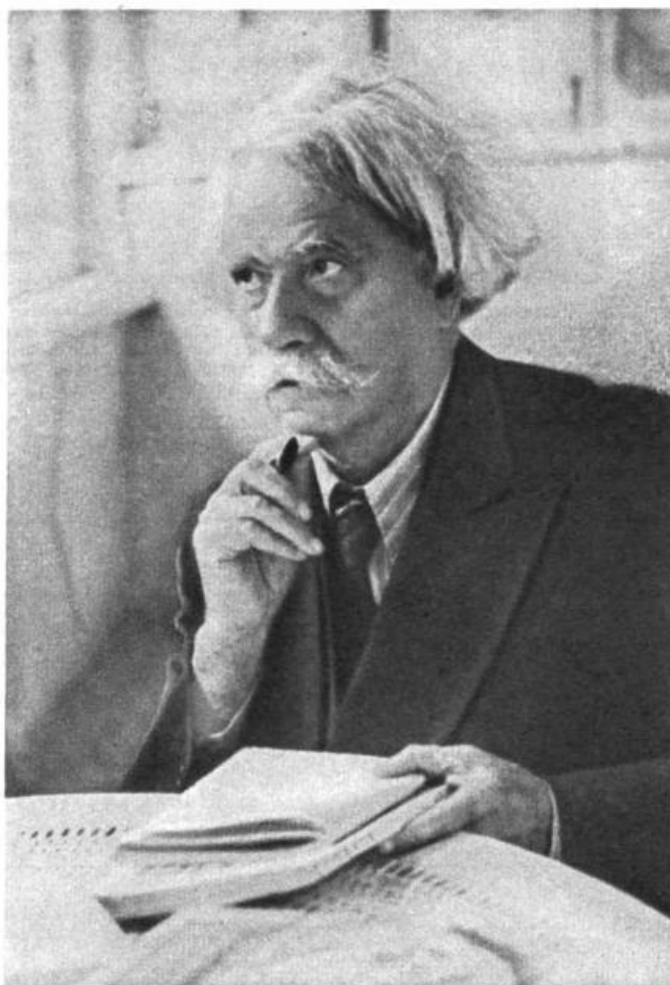
«То, что я вижу около себя вот уже полвека, обратилось для меня в стены моей мастерской», писал С. Н. Сергеев-Ценский в приветствии писателям Крыма. — «На небольшом пространстве Крыма имеется все, чем красна земля».

И действительно, «стены» творческой мастерской писателя необычайно широки. Все написанное им после 1905 года — рассказы, повести, романы, включая и огромное полотно «Севастопольская страда», посвященное подвигу русского народа в дни героической обороны Севастополя, и историческую эпопею «Преображение России», над которой автор еще продолжает работать, — все это, по словам С. Н. Сергеева-Ценского, навечно «крымской музой».

В напряженном труде проводит Сергей Николаевич свои дни. Часами шагает он по просторному кабинету, обдумывая новые главы книг, а затем пишет их почти без помарок.

Поднявшись из-за письменного стола, писатель выходит навстречу гостям. Из-под нависших бровей на собеседника приветливо смотрят внимательные глаза. Глядя на высокого бодрого человека с пышной серебряной шевелюрой, на его слегка загорелое без единой морщинки лицо, трудно поверить, что Сергей Николаевич уже вступил на порог своего восьмидесятилетия, что у него за плечами почти шестьдесят лет писательского труда.

Современник Льва Толстого, Горького, Чехова, Куприна, Сергеев-Ценский полон творческих сил. Недавно он пересмотрел и отредактировал свои многочисленные произведения для собрания сочинений, подготовляемого к печати Гослитиздатом. Почти вдвое расширен писателем роман «Утренний взрыв», который был написан в 1951 году. Автор знаменитого романа «Севастопольская страда», великолеп-

С. Н. Сергеев-Ценский в своем рабочем кабинете.
Фото Г. Воробина.

но знающий всю историю защиты Севастополя, за последние месяцы он написал ряд статей, посвященных столетию обороны города-героя.

С воодушевлением рассказывает писатель о давно начатой им эпопее «Преображение России», которая будет состоять из многих романов и повестей, охватывающих период с 1913 по 1929 год. Из трехсот печатных лис-

тов — предполагаемый объем этого произведения — уже написано свыше двух третей. Открывается эпопея романом «Преображение человека»; в нем две части: «Наклонная Елена» и «Суд», — действие происходит в Донбассе.

Сейчас Сергей Николаевич работает над романом «Долой войну», посвященным периоду февральской революции. Этим к этому роману послужила его повесть «Львы и солнце». В творческих планах писателя два романа: на тему Великой Октябрьской социалистической революции и начала гражданской войны. Заключительный роман эпопеи будет называться «Творить новую жизнь».

— Дожить до глубоких лет и суметь сохранить в себе творческую личность — в этом фокус! — говорит Сергей Николаевич.

Писатель поражает необыкновенной памятью. Он с увлечением рассказывает о многочисленных встречах с литераторами прошлого века, без труда цитирует на память излюбленные произведения. С особым удовольствием вспоминает Сергей Николаевич свои беседы с Алексеем Максимовичем Горьким, встречи с Куприным, Репиным.

Строгий, взыскательный художник слова, которого М. Горький называл «властелином словесных тайн», С. Н. Сергеев-Ценский выступил на страницах «Крымской правды» с призывом к литературной молодежи Крыма: «В каждом слове своем будьте поэтами».

К молодежи, не испытавшей чудовищного гнета, описанного Сергеевым-Ценским в произведениях «Лесная топь» и «Печаль полей», Сергей Николаевич обращает строки: «...Вы от рождения своего свободны от этого страшного груза, — вы живете в преобразованной уже России. «Лесные топи» осушены, «печаль полей» превратилась в «радость полей», — поймите, каким насыщенно светлым, каким ярко-красочным должен быть ваш стиль!»

Не пускайте же на свои страницы ни одной избитой, ни одной вялой, серой, скучной строки! Берите большие темы, подстать Чатырдагу, Черному морю, крымской степи!»

Эти слова писателя-академика обращены ко всем, кому дороги интересы советской литературы.

В. ГОЛУБЕВА

Вторая родина

Тито Ромалио с женой Евфалией Семеновной и сыном Мишей.

Тяжелое детство было у Тито Ромалио. Он родился в Бразилии в полунегритской семье.

Его отец и мать рано погибли, не выдержав жесточайшей эксплуатации, и девятилетний мальчик начал

сам добывать пропитание, соглашаясь на любую работу. Сначала он был на побегушках у белого хозяина, где подвергался бесконечным издевательствам и побоям, затем — грузчиком в порту, потом — рабочим цирка.

В 1925 году Тито Ромалио с немецким цирком удалось приехать в Дрезден. Но и здесь ему предоставляли только самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу. А ночью или ранним утром в опустевшем цирке Тито Ромалио выходил на полутемную арену и повторял то, чем восхищались на представлениях, — движения танцоров, трюки акробатов. Однажды артисты цирка увидели эти упражнения и, поняв незаурядное дарование Ромалио, попытались привлечь его к участию в пантомиме, но сын владельца цирка категорически запротестовал: как можно допустить, чтобы негр танцевал вместе с белыми!

Молодого бразильца увидел руководитель берлинского цирка и «оценил» его способности: «На этом парне можно хорошо заработать!» Он принял бразильского негра в состав своей труппы и предложил ему смертельно опасный номер: Тито Ромалио должен был танцевать среди змей-ураганов. Другого выхода не было. Юноша согласился и выступал с этим номером на аренах цирков Норвегии, Швеции, Дании, Швейцарии, Франции, Ита-

лии. Скитаясь по странам Европы, он попал в буржуазную Литву. После свержения буржуазно-фашистской диктатуры негр Тито Ромалио остался жить в Литовской Советской Социалистической Республике, принял советское гражданство. Тито Ромалио изучил русский язык и успешно работает на эстраде, неизменно встречая товарищескую поддержку в среде советских артистов и теплый, дружеский прием зрителей.

Недавно Тито Ромалио демонстрировал свое искусство в Москве, на эстрадах парков и садов столицы, в Зеленом театре на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В его репертуаре негритянские народные песни и танцы, произведения советских композиторов.

— В Советском Союзе, — говорит Ромалио, — я чувствую себя равным среди равных и свободным среди свободных. Пять лет назад я женился на русской женщине, сибирячке Евфалии Семеновне Кабанцевой. У нас двое детей: старшему, Тито, три года, младшему, Михаилу, — полтора. Если бы по ту сторону океана я осмелился жениться на белой женщине, то меня и мою жену преследовали бы и мучили. В СССР все граждане равны, независимо от национальности и цвета кожи. Здесь я обрел вторую родину.

А. КРУПНОВ

Ансамбль народного танца исполняет «Молдовеняску».

Жизнерадостное искусство

В стремительном, вихревом танце проносятся юноши и девушки, соединившись в большой круг. Танцоры то наклоняются, то откидываются всем корпусом назад, и кажется, что это раскрывается огромный яркий цветок. Мгновение — и круг распадается на пары, будто от цветка отлетели лепестки, сорванные неожиданным порывом ветра. В бурном круговороте мелькают лихо заломленные серые шапки парней, расшитые белые кофточки, синие, зеленые, алые юбки девушек, звенят мониста. Никого не оставляет равнодушным захватывающая, полная радости жизни мелодия «Молдовеняски».

Это выступает ансамбль народного танца Молдавской республики. Он возник в 1937 году как танцевальная группа при хоровой капелле «Дойна», а через десять лет выделился в самостоятельный коллектив. Ансамбль приезжал в Москву во время декады молдавской музыки и танца. А потом начались концертные гастроли по всему Советскому Союзу — от Прибалтики до Сахалина, от Черного моря до Крайнего Севера. Знаменательным событием была поездка на IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Бухаресте, где коллектив занял первое место, получив золотую медаль.

Особенно популярны у зрителей танцевальная сюита «Жок», мужской танец

Танцевальная сюита «Жок». Исполняет мужская группа ансамбля.

Солистка ансамбля заслуженная артистка Молдавской ССР Галина Самусенко.

Шуточный танец «Кумэтриле» («Кумушки»).

Исполнительница народных песен заслуженная артистка Молдавской ССР Янина Левицкая.

«Табакаряска», шуточный танец «Кумэтриле» («Кумушки») и, конечно, «Молдовеняска».

В постановках ансамбля бережно сохранен и обработан молдавский танцевальный фольклор. Характерно, что некоторые танцы, созданные на основе народного творчества, возвращаются обратно в молдавские села и города в том виде, как их поставил ансамбль. Так произошло, например, с «Табакаряской».

В талантливом коллективе немало бывших участников художественной самодеятельности. Комсомолец Спиридон Мокан был завсегдаем хороводов в кагульском колхозе, затем участвовал в армейской самодеятельности, а сейчас он заслуженный артист Молдавской республики. Это почетное звание присвоено также Н. Пшеничной, Г. Форцу, А. Галустян, Г. Самусенко, И. Фурникэ и другим солистам ансамбля.

В. ВАСИЛЬЕВ
Фото М. САВИНА.

Танцевальная сюита «Жок».

У МЕКЛЕНБУРГСКИХ КРЕСТЬЯН

А. ВАРШАВСКИЙ

Фото А. Гостева.

Секретарь Пархимского районного комитета СЕПГ Густав Ленгик, провожая нас в эту поездку, говорил:

— Знаете, что меня самого до сих пор поражает в нашей мекленбургской деревне? Здоровые, счастливые детские лица. Никогда здесь не было столько маленьких детей! Это и статистика подтверждает. И никогда дети не выглядели так хорошо... Впрочем, вам этого не понять: вы не бывали здесь раньше.

Мы действительно были в этих краях впервые. Но догадывались о том, что имел в виду наш собеседник. Про здешний край еще в прошлом веке писатель Фриц Рейтер как-то заметил с горькой иронией: «Когда начнется конец света, спасаться надо в Мекленбурге, ибо если что и изменится в этой стороне, то лет на сто позднее, чем в других местах». Хозяйничавшие здесь юнкеры, дополняя капиталистические приемы ведения хозяйства древними, феодальными методами закабаления батраков, довели Мекленбург до положения самой отсталой области в Германии.

Полчаса езды по узкому, аккуратно обсаженному деревьями шоссе — и мы у цели своего путешествия.

Деревни Рюст и Местлин, жители которых объединены ныне в сельскохозяйственное производственное товарищество «Новая жизнь», собственно говоря, трудно даже назвать деревнями. По существу, это несколько раскинувшихся на довольно далеком друг от друга расстоянии хуторов. В каждом хуторе один, иногда два кирпичных, под высоко поднятой черепичной крышей жилых домиков, окруженных вместительными, тоже кирпичными, но, как правило, крытыми соломой, амбарами и помещениями для скота. До самого недавнего времени это были кулацкие фермы.

Исключение составляет центральная часть деревни Местлин, где раньше была помещичья усадьба, а ныне расположена машинно-тракторная станция. Правда, бывший помещичий дом отли-

чается от построек кулаков только размерами: маленькие, широко расставленные окна обоих его этажей смотрят угрюмо. И весь он какой-то мрачноватый снаружи и неудобный, тесный внутри. Как нам рассказали, сами помещики обычно предпочитали жить в городах или разъезжать по курортам; присматривать же за хозяйством поручали управляющим, или, как их называли батраки, «кнуппельтрегерам» — людям с дубинкой...

Однако ни бывший помещичий дом, ни окружающие его хозяйственные постройки уже не определяют нынешний облик селения. Их оттеснили новые, частью еще не достроенные двухэтажные жилые дома для рабочих МТС, мастерские, помещения для скота.

Первыми, кого мы встретили в Местлине, были старший агроном МТС Отфрид Вальтер и его помощница Кристель Вассерфурт. И первое, что они показали, был «Мичуринский кабинет». Хотя кабинет этот разместили в том же старом помещичьем доме, все здесь выглядело ново и очень молодо: и сами агрономы — простые крестьянские парень и девушка, — и экспонаты их «кабинета», и несложная, аккуратно сбитая из свежеструганных досок мебель. Молодость и задор прорывались и в речи наших собеседников, как ни старались они казаться солидными.

— Да, действительно, прежним хозяевам здесь было выгоднее применять каторжный труд батраков — местных и особенно тех, что приходили на сезонные работы из дальних краев. Это считалось у помещиков и кулаков более доходным, чем применение новых машин. Но сейчас хозяева новые! Наши советы, советы специалистов, нужны всем: и производственному товариществу и единоличным крестьянам. Урожай теперь выше довоенных. Стали сеять много новых кормовых культур. Животноводство уже сегодня дает гораздо больше продукции, чем до войны, но есть все условия, чтобы быстро уве-

личить поголовье коров и овец почти вдвое, а свиней — и того больше...

Молодые люди с воодушевлением рассказывают о своих планах на будущее, о большом строительстве, развернувшимся в МТС и в производственном товариществе, о новых машинах, пришедших на помощь крестьянам, о том, как прекрасно работают советские комбайны. Представители старшего поколения, присутствующие при разговоре, одобрительно улыбаясь, подтверждают: «Да, все это так».

Однако позднее, когда, покинув дом управления МТС, мы направились на ток, где шла молотба нового урожая, сопровождавшая нас средних лет женщина вдруг задумчиво, как бы продолжая прерванный разговор, сказала:

— ...Молодым все кажется так просто! Они уже не помнят, а многие и не знают, с чего мы начинали... В сорок пятом, когда сбежал наш помещик и мы разделили его землю, у нас в деревне не было ни одного работоспособного мужчины. Почти не осталось рабочего скота. Не было ни одной исправной машины.

Разговор продолжался уже на току, где как раз начался перерыв. Бригада, занятая на молотбе, расположилась для короткого отдыха под огромным стогом душистой соломы.

— Ваш помещик сам сбежал, а нам своих пришлось выгонять чуть не силой. Так прямо усадили всех в фамильную карету и под escortом их бывших батраков отвезли в Шверин... Очень уж вызывающе себя держали.

Это говорит Пауль Штоп. Он чем-то не похож на крестьянина, хотя по внешнему виду не выделяется среди окружающих. Так же просто одет; большие, с узловатыми пальцами руки. Здесь он партийный организатор СЕПГ, а в прошлом шверинский рабочий-строитель, активный участник революционно-

го движения. Штоп помнит, как в дни капповского путча пятнадцатилетним юношей он раздавал рабочим винтовки, потом — союз коммунистической молодежи, союз красных фронтовиков, не раз слышал выступления Тельмана... Во времена гитлеризма он был связным между партийными организациями Шверина и Любека и не один год просидел в тюрьме. Скрываясь от преследования, Пауль обосновался в деревне Брюзевиц, батрачил у старого милитариста фон Бодина...

— Сам граф наострил лыжи на запад еще тогда, когда Советская Армия вошла в Восточную Пруссию, — рассказывает Штоп. — Но родственники остались. Поскольку сначала село заняли американцы, графиня думала, что все останется, как было. Но мы слушали московское радио и знали о решении Ялтинской конференции... Сразу после прихода советских войск разделили графскую землю, а запасы помещичьего зерна отдали бывшим заключенным соседнего концентрационного лагеря — они умирали с голода.

Штоп был первым бургомистром Брюзевица. И сейчас он

Агроном Кристель Вассерфурт на опытном участке.

На току. Слева направо: Эмиль Паудлиц, Курт Фишер, Вальтер Хинцман и Пауль Штоп.

охотно рассказывает, как явилась к ним сама графиня фон Бодин, одетая почему-то в бальное платье, — видно, хотела порадовать бывших батраков. Она стала требовать, чтобы при распределении земли семье графа тоже выделили «долю» в 100 га. Она ссылалась на то, что ее родственники будто бы участвовали в генеральском заговоре против Гитлера.

Кое-кто из бывших батраков начал было соглашаться с ее доводами. Но большинство твердо стояло на одном: землю получит тот, кто будет сам ее обрабатывать.

Дело было осенью. Урожай стоял неурожайный. Многие батраки — в большинстве женщины — еще не решались убирать для себя, но и на графа не хотели трудиться; а бывшие заключенные, хотя и выражали готовность работать, но были так слабы, что еле ноги передвигали. Короче говоря, у графских родственников были все возможности показать способность к труду.

И они согласились. С утра на колясках барчуки выехали в поле. До полудня, вяло передвигая ногами, ходили за лобогрейкой. Толку от такого «труда» было, конечно, не много. Но скоро им и это надоело. Со следующего дня началась демонстрация другого ро-

да: старая графиня в карете, а молодые в колясках и верхом выехали на «прогулку». Разыгрывали шумное веселье, устроили настоящий пикник, издеваясь над работающими в поле людьми... Не известно, чего они хотели добиться, но парад этот вывел из себя даже самых нерешительных. Тут крестьяне постановили: выселить их из имения. Отвезли в каретах в Шверин, оставили на улице, перед их домом, а лошадей реквизируют для полевых работ.

Позднее 94 хозяйства, получившие графскую землю в Брюзевице, образовали первое в округе производственное товарищество «Фрайер Бауэр». Первым председателем его был тот же Пауль Штоп. Об этом кооперативе нам еще в Шверине говорили как об одном из лучших в округе. Знают о нем и здесь, в Местлине: местные батраки, прежде чем решиться на организацию собственного кооператива, ездили в Брюзевице, чтобы лично убедиться, как там организован труд.

Впрочем, о том, как возникло Местлинское товарищество, следует рассказать подробнее. Летом 1952 года батраки, работавшие на кулацких фермах деревни Рюст, неожиданно оказались без

хозяев. Замешанные в делах шпионско-диверсионной организации, раскрытой в то время органами безопасности Германской Демократической Республики, кулаки бежали под крылышко своих западных вдохновителей. Они так спешили, что забыли даже уничтожить вещественные доказательства своих преступлений: документы, оружие, взрывчатку, предназначенную для диверсий.

Батраки получили землю своих бывших хозяев и решили обрабатывать ее коллективно. Так возникло производственное товарищество «Новая жизнь», которое очень скоро объединило большинство жителей соседней деревни Местлин и даже многих крестьян, приехавших из других малоземельных районов.

С тех пор прошло два года. Сейчас в кооперативе объединены свыше двухсот человек, и есть еще много желающих вступить в него из других районов. Если бы не некоторые трудности с материалами для строительства жилых домов, правление охотно бы приняло их всех: земли у кооператива достаточно — 2300 га. Впрочем, уже принимаются меры к мобилизации местных ресурсов, и к будущему году число членов товарищества должно значительно вырасти.

— А каковы доходы членов кооператива?

На этот вопрос обстоятельно отвечает сидящий рядом со мной пожилой крестьянин — Эмиль Паудлиц. Он одним из первых вступил в товарищество, а теперь — член правления и работает в полеводческой бригаде, занятой сейчас на току.

— Урожай в этом году, — говорит он, — был бы процентов на тридцать выше прошлогоднего, если бы не проклятые дожди, вызвавшие потери в период уборки. Но и так получим не меньше, чем в прошлую осень. А тогда я, например, заработал 1300 марок деньгами, кроме того, 50 центнеров зерна, больше 100 центнеров картофеля да получил еще другие овощи. В общем с лихвой хватило всего и для семьи и на корм скоту. У меня две коровы, девять свиней, овцы, куры. 40 центнеров картофеля и 6 свиней дополнительно продал государству...

Такие же приблизительно заработки оказались и у других крестьян.

— Живем неплохо, — как бы подводя итог, говорит бригадир Курт Фишер, — но могли бы лучше. До последнего времени было еще много неурядиц в организации труда. А все дело в том, что при оплате преобладала, как у вас говорят, уравниловка, — он не без труда произносит это слово по-русски.

— Больше ее не будет! — перебивает бригадир Штоп. — Уже в эту осень доходы будем распределять по трудодням. А если общее собрание согласится, то с будущего года всю работу организуем так, как это делается у вас, в колхозе имени Молотова. О нем подробно рассказали наши недавно вернувшиеся из поездки в СССР делегаты.

Окружившие нас крестьяне с явным одобрением слушают эту энергичную речь.

— Горячий! — кивает в его сторону бригадир Фишер. — И деловой, надо вам сказать, человек. Мы его знаем и по прежней работе в Брюзевице, и здесь он уже во многом помог. В бригадах все согласны выбрать его председателем. Очередное общее собрание будет обсуждать это предложение. Его совместно выдвинули наши местные организации Социалистической единой партии и Крестьянской партии. Теперешний-то наш председатель — Вальтер Хинцман — тоже, правда, человек хороший и большой специалист по части животноводства, но организационных навыков ему не хватает...

Послышался гул трактора. Перерыв окончен. Пора и нам собираться в обратный путь.

Снова дорога петляет среди свежескошенных или распаханных полей. Люди встречаются лишь там, где идет уборка картофеля. Видно, спешат использовать хорошую погоду.

Навстречу высыпала гурьба школьников. За спинами ранцы с книгами, а спереди рубашки подозрительно оттопырены. Сильный ветер посбивал множество яблок с деревьев, которыми обсажена дорога. Ребята с аппетитом жуют сочные плоды, их пышущие здоровьем лица оживлены. И нам невольно вспоминаются слова Густава Ленгика:

— Никогда в Мекленбурге дети не выглядели так хорошо...

Детский сад в поселке Местлин.

Кино приехало!

Со своим новым знакомым, сельским киномехаником Андреем Арсентьевичем Лавренюком, мы едем по колхозам Подольи. У околицы села машина останавливается. Из крытого кузова извлекаются деревянный щит с афишей, рекламные плакаты.

— Сейчас будет жаркая встреча! — предупреждает Лавренюк.

И действительно, откуда-то из-за тына вдруг разносится на всю улицу звонкий, ликующий мальчишеский крик: «Кино-о приехало!»

Сельскому киномеханику этот ожидаемый и в то же время всегда неожиданный — «Завжди, як з неба» — возглас доставляет большое удовольствие.

— Голосистый нынче запевала, — шутит он, глядя на выкатившегося через перелаз к машине мальчугана.

Минуты не прошло, а тихого села не узнать. Андрей Арсентьевич садится за руль и делает обычный круг по сельской улице. Видно, что с сельскими хлопцами у него самые дружеские отношения. Многих он знает по имени.

Мы подъезжаем к клубу. Покуда идут приготовления к сеансу, Андрей Арсентьевич рассказывает:

— Обслуживаю шесть сел. В каждом бываю четыре раза в месяц, точно по графику. К приезду уже и реклама готова. То — дело рук моих активистов, вот этих самых. — И он показал на хлопцев, обступивших кинопередвижку. — Будьте уверены, они уж в каждую хату сообщили, какую картину я везу!

В селе Плещин, куда мы приехали, у сельмага, в правлении колхоза, в клубе красовались афиши, заранее развешанные юным колхозным почтальоном Мишей Косым. Другой почитатель кино, Шура Корнейчук, взялся устанавливать аппаратуру. Он считает себя учеником Андрея Арсентьевича и даже иной раз выезжает с ним в соседние села.

— Наша техника замечательная, выносливая, — говорит киномеханик, наблюдая за работой своих помощников. — У меня аппарат «К-303», производства одесского завода. Уже пять лет без капитального ремонта. Передвижная электростанция ленинградского завода тоже выдержала три года без ремонта.

Много людей подходило к Лавренюку, и каждый здоровался с ним, как с добрым знакомым. Начались расспросы о новых картинах, о заявках. Одним Лавренюк отвечал утвердительно, на вопросы других молча разводил руками.

Тут подъехал мужчина на велосипеде. Это был местный учитель. Увидев, что мы фотографируем ребят, собравшихся у передвижки, он похвалил нашего киномеханика:

— Я вам скажу, что у Лавренюка работа хорошо идет. И лента не рвется, и в зале порядок, и на вопрос он всегда даст толковый ответ. А еще надо добавить — общественник, музыкант, не отказывает молодежи, когда надо сыграть, чтобы, как у нас говорится, «шире круг, да подковаться на каблук!»

Дети села Плещин смотрели фильмы «Пятнадцатилетний капитан» и «Тарапунья и Штепсель под облаками». Сколько радости принесли детворе эти сеансы! Показана была и картина «Честь товарища». Ее посмотрели сотни колхозников.

Лавренюк демонстрирует фильмы не только в клубах. Когда позволяет погода, он выезжает в поле, на колхозный ток.

Уже четверть века работает в этих местах Лавренюк. Впервые он отправился в рейс в 1929 году, еще с «немым» кино. Возил кинопередвижку на лошадах, на быках. Он первым в районе демонстрировал звуковое кино. Случилось так, что и в войну Андрей Арсентьевич не расстался с любимым делом. Фронтовой киномеханик Лавренюк показывал кинокартины в землянках воинам-танкистам и прошел с ними путь от Воронежа до Берлина.

Лавренюк — один из лучших киномехаников Шепетовского района, Хмельницкой области. Он знает зрителя, знает его вкусы, запросы, требования.

— Это, наверное, всех сельских киномехаников касается, — делится с нами Лавренюк. — Видали, какой интерес к кино? Люди требуют новых фильмов, да и показывать новую, хорошую картину — одно удовольствие! А я не могу удовлетворить все заявки. Получил на месяц вперед три картины: «Парижская обитель» — первая и вторая серии, «Аршин мал алан», «Депутат Балтики». Картины, как видите, старые... Мало, очень мало выпускается фильмов. Людям советской деревни хочется услышать с экрана живой рассказ о своей жизни. Молодежь просит лирические кинокомедии. Очень нужны научные фильмы, разоблачающие религиозные суеверия. Но законные требования сельского зрителя удовлетворяются плохо.

Из Плещина Андрей Арсентьевич поехал в Пащуки, Волковцы, Волковички. Там были такие же встречи, радости и огорчения.

Летом и зимой, в ненастную осень движется своим маршрутом грузовичок с надписью «Кинопересука № 36 Шепетовского района», а за ним в народе идет добрая молва.

В. ШУМОВ

Внешняя сторона кузова служит для рекламы.

Первые зрители.

Горячая встреча.

В зрительном зале клуба села Плещин идет сеанс детских фильмов.

Фото Н. Козловского

Руководитель штурмовой пятерки В. Ковалев

Э. Нагел.

Высотный траверс

Четыре года тому назад двенадцать советских альпинистов поднялись по восточному гребню на пик Ленина — одну из труднейших вершин Памира, высотой более 7 тысяч метров над уровнем моря. В нынешнем году перед совместной экспедицией Комитета физкультуры и спорта при Совете министров Узбекской ССР и Ташкентского окружного дома офицеров была поставлена новая, еще более трудная задача: совершить траверс пика Ленина с подъемом и спуском разными путями.

Такая идея зародилась еще при первом восхождении, однако выполнить ее при небольшом опыте высотных восхождений мы не могли. Два года тому назад эту задачу попыталась осуществить сильная команда «Спартак» под руководством заслуженного мастера спорта В. М. Абалакова. Однако длительная непогода заставила спартаковцев отступить с высоты 6 700 метров, не достигнув вершины.

Естественно, что эта неудача сильной московской команды заставила нас серьезно взвесить свои возможности. Тщательно разработав план восхождения, взвесив все трудности, с которыми придется встретиться, участники и тренеры пришли к выводу: сил и опыта хватит! Решено: мы выходим в путь с запада на восток, через пик Раздельный высотой в 6 148 метров.

Вся подготовительная работа заняла более месяца. К концу августа под северным склоном пика Ленина были сосредоточены необходимое снаряжение и продукты питания. Все с нетерпением ждали хорошей, устойчивой погоды. Наконец был дан приказ о выступлении.

18 восходителей цепочкой медленно преодолевали нагромождения ледника. Кроме пятерки альпинистов, отобранных для штурма пика, до высоты 5 800 метров шли девять человек, до высоты 6 200 — четверо.

Как и в прошлых высотных восхождениях, мы отказались от предварительной подготовки лагерей. Мы считаем, что такая тактика, не-

редко применяемая другими группами, ведет лишь к напрасной трате сил и времени.

Молодые альпинисты помогли доставить грузы. Дальше штурмовую пятерку провожали альпинисты-первоурядники Назаров, Русайкин, Овчаров, Петров.

Семь дней продолжался траверс пика Ленина. Первые три дня на гребне бушевала поземка, сопровождавшаяся понижением температуры до 30—35 градусов. Однако костюмы и специальная, утепленная обувь хорошо предохраняли восходителей от стужи.

Вечером второго сентября в условленное время была дана шестая по счету сигнальная ракета, оповестившая группы наблюдения, что у восходителей все в порядке и они находятся близко от цели.

Шестую ночь альпинисты провели у самой вершины, а на следующий день, третьего сентября, в 11 часов 30 минут по местному времени отважные спортсмены группы Валентина Ковалева — Петр Карпов, Эдуард Нагел, Виктор Нарышкин и Виталий Ноздрихин — достигли вершины пика Ленина высотой 7 134 метра. На запорошенных скалах они установили скульптурный бюст В. И. Ленина, а в честь тридцатилетия Узбекской ССР — государственный флаг республики.

Затем восходители продолжали свой путь на восток, по маршруту, которым они поднимались четыре года назад. В этот же день поздно вечером они достигли ледникового лагеря, где победителей ждала дружеская встреча.

Так была осуществлена давнишняя мечта советских альпинистов — совершить траверс пика Ленина.

В. РАЦЕК,

заслуженный мастер спорта.

Фото автора

В. Нарышкин.

В. Ноздрихин.

П. Карпов.

СКАЗКИ

Евг. ПЕРМЯК

Рисунки Е. Щеглова.

Рукавицы и топор

Умер старик и оставил сыновьям наследство: старшему — избу, среднему — корову, а младшему — рукавицы и топор. Стал старший сын домом жить, средний коровой кормиться, а младший топором хлеб-соль добывать да песни распевать.

Много ли, мало ли лет прошло, только покосилась у нерадивого хозяина изба, плохо стала доиться корова у ленивого коровника, а рукавицы и топор у радивого мастера — хоть весла тесать, хоть рамы вязать. Города возводят, мосты наводят, плотины ладят, мельницы ставят. Младший сын свой дом срубил, свою корову купил.

«Не иначе, как у него заколдованный саморубный топор, — говорит старший брат среднему, — давай утащим».

Утащили топор и велели ему весла тесать, рамы вязать, дома возводить, мосты наводить. А топор ни с места.

«Видно, не в одном топоре сила, — сказал средний брат, — давай и рукавицы утащим».

Утащили рукавицы. Опять ничем-ничего. А младший брат, мастер, новый топор да новые рукавицы купил. Снова стал работать да песенку свою петь. Так поет — только щепки летят.

«Видно, в песне сила, — решили братья. — Давай песню переймем». Стали братову песню переимывать:

Все руками создается:
Дом, плотина, мост, весло...
Хорошо тому живется,
У кого есть ремесло.

Переняли братья песню. Сердцем ее поняли, и хорошо у них дело пошло. Тоже мастерами стали.

Маляр без кистей

Были у маляра Корнея четыре сына: Иван, Степан, Василий и Петя. Пришло время Пете ремесло выбирать. Говорит ему отец:

— Будь, Петя, как я, как братья твои, маляром. Хорошее ремесло.

А Петя десять классов окончил и золотую медаль получил.

— Это как же я могу с таким образованием да с медалью маляром быть, мазанным ходить?

Тогда отец говорит:

— Поезжай, посмотри, как братья работают. Тогда решишь.

Приехал Петя к старшему брату, Ивану, в Тулу. Брат Дворец культуры кистями расписывает, да так красиво, что зависть берет.

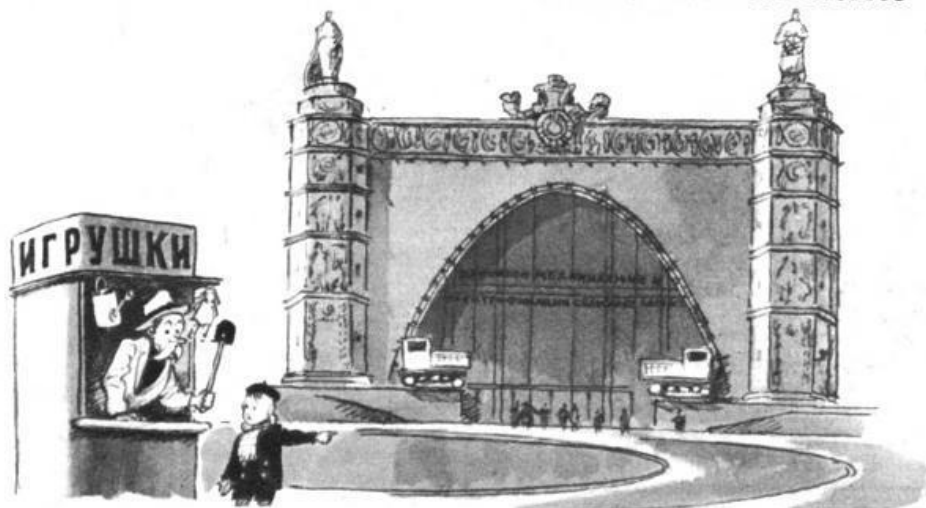
Приехал Петя ко второму брату в Москву. Второй брат, Степан, без кистей потолок и стены красит. В руках у него «пистолет», а из «пистолета» голубым лучом краска бьет и на стены ровным слоем ложится. Полчаса — час, и комната готова. И такой почет Степану ото всех, что зависть берет.

Приехал Петя к третьему брату, Василию, на автомобильный завод. Третий, как доктор, в белом халате, руки в перчатки, стоит, на приборы смотрит и проверяет, как автоматическая камера сама по себе легковые автомобили красит. Да так хорошо красит, что зависть берет.

Вернулся Петя к отцу и говорит: — Далеко, отец, наша родовая профессия шагнула. На маляра я буду учиться. Да на такого маляра, чтобы твою специальность еще дальше пронести и выше поднять.

Отец на это говорит:

— Разве одна наша малярная профессия такова? Все они нынче такие — по-старому называются, да по-новому понимаются.

— Опять у вас только лопатки... А там вон землеройные машины.

Рисунок Ю. Черепанова.

Учителя одной школы

Школа семилетняя, маленькая, построенная давно. За окнами шумит сухими листьями осенний сад, на пришкольном участке белеют большие кочаны капусты и отцветают оранжевые ноготки. Кажется, что она расположена не в центре Таллина, а где-нибудь в селе.

В нынешнем году среди награжденных орденом Ленина учителей мы находим Гарду Густавовну Виндас, Зинаиду Николаевну Кларик и Габриэлу Хендреконну Пильвет — преподавательниц 14-й школы, Элизабет Паулусовну Линнусе — директора этой школы.

Четыре орденосца в маленькой семилетней школе!

Самая молодая — Э. П. Линнусе — учительствует 34 года, З. Н. Кларик — 43 года. Все они вышли из рабочих и крестьянских семей, завоевывали право на образование и на труд в годы, когда женщине было трудно вырваться из пределов семейного круга. Перебиваясь частными уроками, одни заканчивали гимназию и педагогический класс при ней, другие — учительскую семинарию.

Вот они сидят в учительской. Вспоминают о летних путешествиях по большой Советской стране. Расспрашивают Габриэлу Хендреконну Пильвет, только что вышедшую на пенсию и в день награждения, конечно, пришедшую в школу, о том, как она отдыхает. Габриэла Хендреконна отвечает уклончиво: «Книг накупила, читаю». Но, помедлив немного, признается, что ее сильно тянет в школу и, если потребуется кому-нибудь заместительница, пусть ее имеют в виду...

Н. ХРАБРОВА

Школьники поздравляют педагогов с наградой.

Фото С. Розенфельда.

Кубок увезен в Киев

Кубок СССР по футболу в Киеве. Почетный приз держит тренер команды «Динамо» О. Ошенков. Слева — капитан команды А. Зазроев. Фото Н. Козловского.

На московском стадионе «Динамо» состоялась финальная встреча на Кубок СССР по футболу. Играли динамовцы Киева и спартаковцы Еревана. Почетный приз завоевали киевляне, хорошо прошедшие трудные игры на кубок. По пути к финалу они добились победы над сильнейшими командами страны — «Спартак», ЦДСА, а затем и ленинградским «Зенитом». А ведь в общей сложности эти три команды девять раз завоевывали Кубок СССР.

Все игроки киевского «Динамо» показали себя с лучшей стороны: вратарь Олег Макаров, защитники Аркадий Ларионов, Виталий Голубев и Тиберий Попович, полузащитники Михаил Михалина и Александр Кольцов. Нападающий Михаил Коман оказался самым результативным игроком нынешнего сезона. Хорошо играли Андрей Зазроев, Виктор Фомин, Владимир Богданович, Виктор Терентьев и Павел Винковатов.

Ереванские спартаковцы, также отлично прошедшие сезон, не смогли противостоять своим сильным противникам в решающей финальной игре и проиграли со счетом 1:2.

Футболисты команды «Динамо» (Киев) увезли с собой почетный приз — полуметровую хрустальную вазу.

В. ФРОЛОВ

РАДИОЛОКАТОР в кабинете ВРАЧА

Детище радиотехники двадцатого века, радиолокатор нашел себе в нашей стране прочное место в мирной жизни. Его всевидящее око оберегает корабли от предательских айсбергов, помогает штурманам ориентироваться в любую погоду, ночью и днем, в воздухе и на море; он оказывает незаменимую услугу метеорологам. Наконец, радиолокация находит широкое применение в новой отрасли знания о Вселенной — радиоастрономии. В 1946 году мощные импульсы, посланные локатором, коснулись поверхности Луны и пришли обратно на Землю. Путешествие электромагнитных волн продолжалось туда и обратно 2,5 секунды. Это позволило ученым точнейшим образом определить расстояние между нашей планетой и ее спутником.

Совсем недавно радиолокатор поступил на вооружение древнейшей из наук, ведущих борьбу за жизнь и здоровье человека, — медицины.

Мы — в Государственном институте физиотерапии. Кандидат медицинских наук И. А. Абрикосов показывает высокий белый шкаф со шкалами приборов, маховичками регулирования и выключателями. С одной стороны шкафа выступают две черные пластмассовые «руки» с дисками электродов, заключенных в стеклянный футляр. Установка мало напоминает радиолокатор. Здесь нет стеклянного экрана, на котором движутся зеленоватые пятна — изображения принятых сиг-

налов. За окном кабинета не видно огромной металлической антенны.

— Да все это нам и не нужно, — говорит И. А. Абрикосов. — Нас, медиков, интересуют только импульсы — чередующиеся чрезвычайно кратковременные потоки волн короткой длины, излучаемые радиолокатором. Вот почему от радара мы взяли лишь его высокочастотный генератор, который вырабатывает эти импульсы, и подвергли его некоторым изменениям. Гипертония — вот тот враг, в борьбе с которым в настоящее время применяется новая установка.

Повышение кровяного давления в организме человека, по данным современных исследований, связано с таким состоянием центральной нервной системы, когда в головном мозгу возникают особые «застойные» очаги возбуждения. Эти очаги, в свою очередь, вызываются обычно ослаблением процесса торможения. Уравновесить эти процессы можно, в частности, применяя «сверхмаксимальные», как говорил И. П. Павлов, ритмические раздражения.

Мощные редкие импульсы, следующие друг за другом через тысячные доли секунды, и есть один из тех «сверхмаксимальных» раздражителей, который благотворно воздействует на центральную нервную систему человека.

Однако не так-то легко белый металлический шкаф получил право на жительство в этом круп-

нейшем научном и лечебном учреждении.

Несколько лет назад, когда медицина начала усиленные поиски эффективных средств борьбы с гипертонией, директор института А. Н. Обросов, тогда заведующий физико-техническим отделом, вспомнил о радиолокаторе. С ним он познакомился еще во время Великой Отечественной войны в одной из воинских частей. Профессор еще тогда обратил внимание на то, что радиолокатор так же, как и всем известный аппарат УВЧ, излучает электромагнитные волны очень высокой частоты и, следовательно, тоже должен оказывать какое-то влияние на организм человека. И, как это часто бывает на практике, средство, бесполезное для здоровых людей, в измененном виде могло оказаться целебным для больных.

В экспериментальных мастерских института по принципу радиолокационного построили генератор мощностью 10 киловатт в импульсе.

Это был первый шаг. Потом началось освоение нового аппарата. Отдельные узлы десятки раз собирались и разбирались. Одни детали заменялись другими. Все это потребовало немало времени. Но самое сложное оставалось впереди: надо было заставить работать генератор для больного. Это означало, что радиопульсы должны были передаваться не через антенну, не в атмосферу за десятки, сотни и тысячи километров, а всего лишь на один метр, по проводнику, заключенному в надежную изоляцию, к пациенту...

И эта трудность была преодолена. Зеркало антенны, направляющей пучок волн в пространство, заменила электромагнитная цепь со специальными приспособлениями и приборами — то был так называемый терапевтический контур, соединенный с электродами.

Первый «пациент», гладкий белый зверек, лежит на столе, в поле действия электромагнитных волн. За его поведением наблюдают и сотрудники, монтировавшие генератор, и те, кому надлежит испытывать его, ввести в практику. Проходит полчаса. Мышь теперь слабее реагирует на импульсы, чуть-чуть вздрагивает. И только через 55 минут наступает смерть. А ведь в электромагнитном поле аппарата УВЧ она жила всего лишь три с половиной минуты!

Аппарат УВЧ тоже находится здесь, в этой же комнате, похожей больше на лабораторию физика, чем на кабинет врача. Вдоль стен стоят различные аппараты и приборы — под чехлами и без чехлов, с никелированными ручками, разноцветными лампочками,

в белых или темных эмалевых футлярах. Все они, от самых примитивных до самых современных, как бы повествуют об истории развития физиотерапии за последние полстолетия. Без них, возможно, и не появился бы здесь импульсный генератор.

Этот генератор, поселившийся в кабинете врача, — родственник аппарата УВЧ, только внешне он выглядит гораздо внушительнее. Но главное отличие не в этом. Генератор вырабатывает волны не непрерывным потоком, а импульсами. Это и вызывает в живом организме совсем другую реакцию.

— Мышь в поле ультравысоко-частотных волн гибнет очень быстро. Энергия этого поля, если она действует непрерывно, за три с половиной минуты убивает живой организм. Если же направлять ее импульсами от радиолокационного генератора, то мышь живет в пятнадцать раз дольше. Значит, действие генератора должно вызывать иную реакцию и в организме человека, — подводит итог И. А. Абрикосов.

Опыты продолжались на мышах, морских свинках, кроликах. Было определено, что у животных снижается температура тела, у них появляется вялость, некоторая «скованность». Постепенно специалисты пришли к выводу, что новая установка должна успешнее применяться в борьбе с гипертонией, чем аппарат УВЧ.

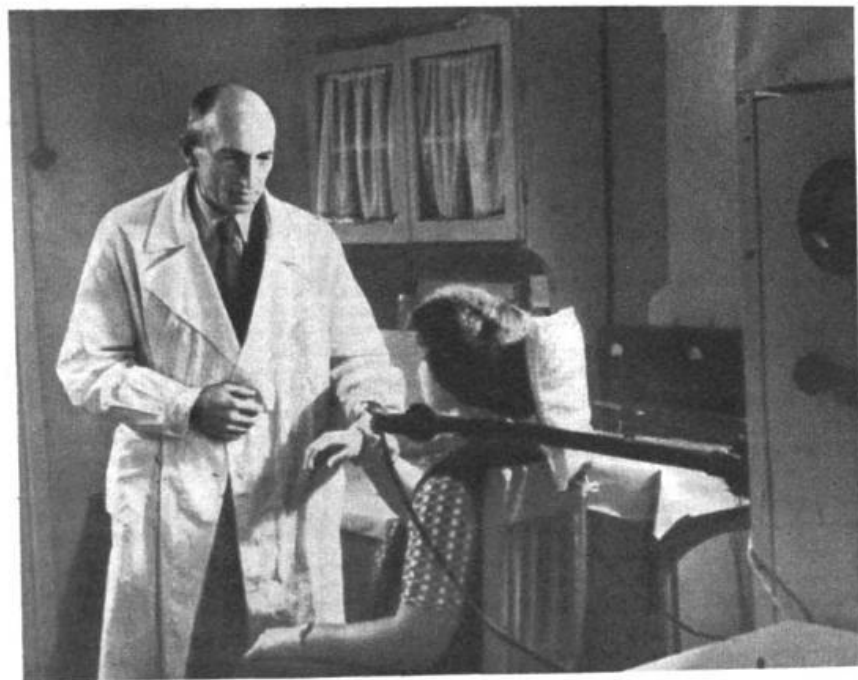
Сотрудники института научились определять «порции» энергии, необходимые для процедур. И только спустя четыре года А. Н. Обросов и И. А. Абрикосов применили генератор для лечения людей.

...В кресло садится мужчина средних лет. Врач поднимает «руки» с электродами и устанавливает их на расстоянии нескольких сантиметров от шеи, где расположены узлы симпатической нервной системы. Ничто не соприкасается с поверхностью кожи. Человек, облучаемый потоком невидимых волн, не испытывает ни тепла, ни какого-либо другого ощущения. Только гудение вентилятора, охлаждающего лампы генератора, напоминает, что проводится сеанс. Через десять минут установка выключается. Больной Б. рассказывает, что принял девять из назначенных пятнадцати сеансов и стал себя чувствовать значительно лучше: прекратилась бессонница, появилась бодрость, улучшилась работа сердца.

Давление крови у больного К. было $200/120$ миллиметров ртутного столба. После пятнадцати сеансов этого своеобразного «облучения» верхний предел упал до 145, нижний — до 95. У больного Л. кровяное давление снизилось на 30 миллиметров, у больной Н. — на 40 и так далее. В этом году новому методу лечения подверглись несколько десятков человек в I и II стадиях заболевания (III стадия гипертонии не подлежит лечению средствами физиотерапии).

Все больные находятся под систематическим наблюдением врачей. Проверка через полгода и год показала, что результаты применения радиолокационной установки более устойчивы, чем при использовании аппарата УВЧ. Так генератор радиолокатора стал лечить человека.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Кандидат медицинских наук И. А. Абрикосов проверяет во время сеанса пульс больной.

Фото С. Фридлянда.

Я сижу на берегу

Слова А. ФАТЬЯНОВА.

Музыка М. БЛАНТЕРА.

Не повторяю

Я си- жу на бе- ре- гу, Бо- ги- си- ни- те- бе-
гут, а над си- не- ю вол- ною хо- дит ве- тер о- зор-
ной. То- дит ве- тер о- зор- ной, о- зор- ной как ми- лый
мой. То мне во- ло- сы по- гла- дит, то сор- вет платок с кай- мой.
жет. Я са- ма е- му ска- жу

Я сижу на берегу,
Волны синие бегут.
А над синею волной
Ходит ветер озорной.
Ходит ветер озорной,
Озорной, как милый мой.
То мне волосы погладит,
То сорвет платок с каймой.

Удивляюсь я сама,
Отчего схожу с ума.
Оттого ль, что скоро год
Из ума дружок нейдет,
Оттого ли, что луна
Из окна всю ночь видна,
Оттого ли, что стучится
В сердце девичье весна.

Сердце девичье болит:
Милый речи говорит
По причине по любой,
Но ни слова про любовь.
Я немного погожу,
Погожу да погляжу.
Если слов таких не скажет,
Я сама ему скажу.

Неудавшееся знакомство

Во время полета на дрейфующие станции «СП-3» и «СП-4» мне пришлось быть свидетелем забавной сцены с участием белого медвежонка.

Начальник зимовки на Земле Франца-Иосифа Алексей Дмитриевич Курочкин приручил полугодовалого белого медвежонка. Завереныш быстро привык к хозяину, который его кормил, ласкал, держал в тепле.

Белые медвежата агрессивны и сильны. Шутить с ними надо осторожно. Такой «малыш» своими сильными лапками может доставить немало неприятностей. Однако с человеком, к которому он привык, медвежонок бывает ласков и, пожалуй, даже несколько сентиментален.

Когда мы приземлились, начальник зимовки вышел встретить нас со своим питомцем. Мишка, увидев впервые собаку, приехавшую с нами, смело ринулся к ней. Собака, полагая, что с ней играют, встретила незнакомого друга приветливо. Но когда шалун, обхватив голову лапками, зажал ее, как в тисках, собака рассвирепела и набросилась на медвежонка.

Мишка понял, что здесь шутки плохи, и кинулся искать защиты на руках у своего хозяина.

Так неудачно кончилось первое знакомство полярного и городского жителей.

Я. РЮМКИН

Рисунок Ю. Черепанова.

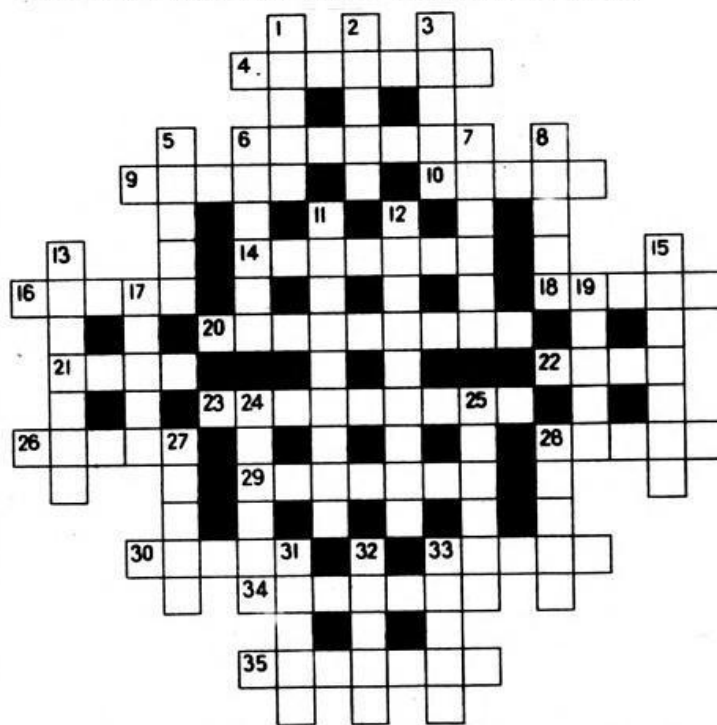
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город на Волге. 6. Вид локомотива. 9. Французский философ-материалист. 10. Рыба. 14. Воздействие. 16. Созвездие. 18. Радиоактивный элемент. 20. Заглавие. 21. Фонарь. 22. Приют Ветлуги. 23. Воинское подразделение. 26. Фруктовое дерево. 28. Рама с земляной литейной формой. 29. Город в Грузинской ССР. 30. Типографский шрифт. 33. Сильный вихрь. 34. Персонаж из произведения М. Горького «Мать». 35. Ткань.

По вертикали:

1. Напиток. 2. Офицерское звание. 3. Птица. 5. Русский химик-органик. 6. Газета. 7. Огненный свет. 8. Залив. 11. Опера Д. Верди. 12. Государство в Азии. 13. Вид сбоку. 15. Изображение из отдельных разноцветных кусочков. 17. Роман И. А. Гончарова. 19. Полукустарниковое растение. 24. Ядовитое вещество. 25.оборот речи, не переводимый дословно на другой язык. 27. Советский поэт. 28. Музыкально-драматическое произведение. 31. Поэма А. С. Пушкина. 32. Болгарский революционер, поэт и публицист. 33. Пьеса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

7. Регламент. 9. Календарь. 11. Бовари. 12. Андреев. 13. Холзун. 14. Перпендикуляр. 17. Верстак. 19. Айсберг. 20. Русанов. 21. Словопроизводство. 23. Вычегда. 25. Кантата. 26. Тревога. 30. Администратор. 33. Софокл. 34. «Варвары». 35. «Оратор». 36. Диагональ. 37. Типизация.

По вертикали:

1. Ледостав. 2. Алмаз. 3. Амфитеатр. 4. Верхоянск. 5. Удаль. 6. Браунинг. 8. Танкер. 9. Клетка. 10. Представительство. 15. Орбелиани. 16. Телевизор. 18. Крапива. 19. Автомат. 22. Мандолина. 24. Мезоторий. 25. Карболит. 27. Аналогия. 28. Янтарь. 29. Арарат. 31. Волга. 32. Чабан.

Книга - малютка

В Ленинграде на выставке в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина экспонирована книга величайшей... с обычной почтовую марку. На крохотной обложке ее заголовок: «Басни Крылова».

В отчете Императорской публичной библиотеки за 1856 год в перечне важнейших по редкости сочинений, поступивших за год, имеется запись: «Басни Крылова», в миниатюрном формате, напечатанные в 1856 году в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг». В графе «Кем книга подарена» сказано: «Действительным статским советником Я. Я. Рейхель».

Яков Яковлевич Рейхель (1778—1856) — художник-миниатюрист и мастер граверного дела. Он работал медалером на Петербургском монетном дворе и был одним из организаторов типографии, а затем ее техническим директором.

На всемирной выставке в Париже Я. Рейхель увидел книгу Данте «Божественная комедия». Ее размер 50×35 миллиметров. Это была самая маленькая книга на свете. Ее набирали и печатали в течение нескольких лет.

Возвратясь в Россию, Я. Рейхель решил показать, на что способно русское полиграфическое производство. Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг была оснащена технически совершенным оборудованием и располагала выдающимися специалистами. Здесь и начались работы над книгой-малюткой.

Два года создавался этот шедевр книгопечатания. Для набора книги был отлит специальный микропечатный шрифт. Этими крохотными буквами была набрана книга «Басни Крылова». Она отличалась от виденной Рейхелем в Париже книги-малютки не только меньшим размером, но и точнее, ювелирным исполнением.

На площади набора в 13×22 миллиметра помещается 22 строки. В каждой из них, не считая знаков пунктуации, по 25 букв. На странице помещается свыше 500 букв. Тем не менее «Басни Крылова» сравнительно легко читаются простым глазом.

Книга имеет мягкую трехцветную обложку и вложена в кожаный футлярчик. Для

удобства чтения прилагается крохотная лупа. Перед заглавием, в овале, портрет Крылова, потом гравированная рамка, и в овале надпись — «Басни Крылова». В книге 104 страницы.

С тех пор как в 1856 году была отпечатана книга «Басни Крылова», в свет вышло много миниатюрных изданий, но среди книг ручного набора она попрежнему остается самой маленькой.

Я. Я. Рейхель преподнес в дар Публичной библиотеке один из первых экземпляров «Басен Крылова». В 1914 году эта книга в числе других была отправлена в Лейпциг на выставку. С того времени сведения об уникальной книге теряются.

И только через тридцать лет Публичной библиотеке удалось приобрести в ленинградской лавке писателей другой экземпляр этой редчайшей книги. Однако ее переплет настолько износился, что владелец пытался сохранить его, наклеив тонкую кожу. А через семь лет там же был куплен еще один экземпляр этой книги, но в отличном состоянии. Несмотря на почти столетнюю давность, книга сохранена в своем переплете вместе с маленьким кожаным футляром.

К. ЧЕРЕВКОВ

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин А. И. Корзухина и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН [зам. главного редактора], Л. А. КУДРЕВАТЫХ [зам. главного редактора], Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

А 06249. Подп. к печ. 26/X 1954 г. Формат бум. 70 × 108½. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 877. Заказ 3084. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Пианист Святослав Рихтер.

Фото А. Гаранин

Цена номера 3 руб.

